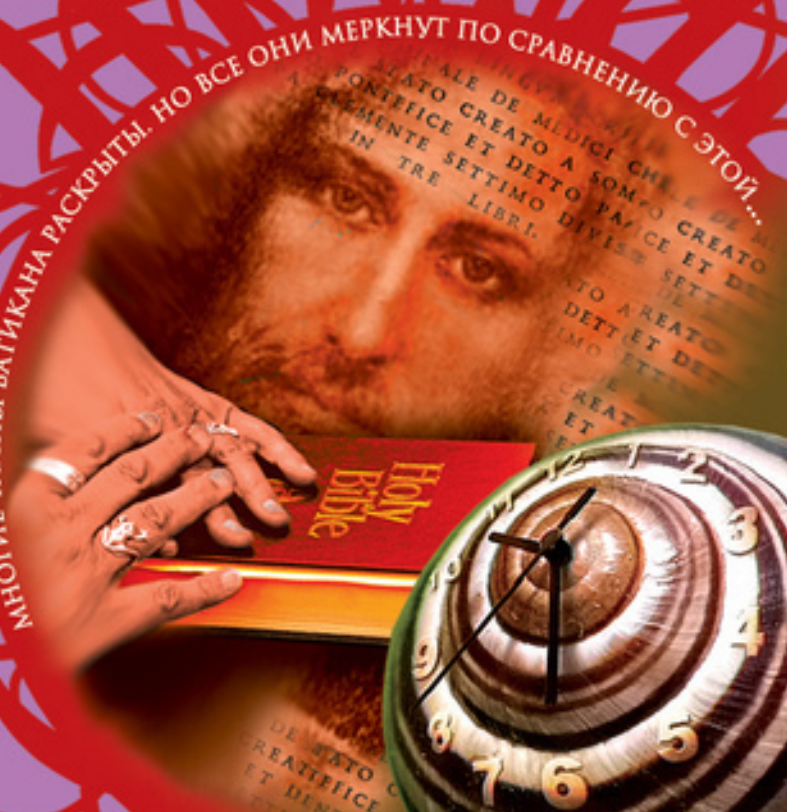

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

СВЯТОЙ НИМБ
И ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

МНОГИЕ ТАЙНЫ ВАТИКАНА РАСКРЫТЫ. НО ВСЕ ОНИ МЕРКНУТ ПО СРАВНЕНИЮ С ЭТОЙ...

Антон Леонтьев

Святой нимб и терновый венец

«ЭКСМО»

2007

Леонтьев А. В.

Святой нимб и терновый венец / А. В. Леонтьев — «Эксмо»,
2007

Викторией владела одна мысль – отомстить писателю Дейлу Уайту. Этот лохотонный американец украл сюжет бестселлера «Улыбка Джоконды» у ее отца! Девушка прилетела в Рим и даже пробралась в дом Уайта, но в последний момент растерялась и чуть не попала в полицию. Хорошо, что рядом вовремя оказался профессор Каррингтон, старый друг ее отца. Профессор с сыном тоже находятся в Риме не случайно, они пытаются раскрыть одну из главных тайн Ватикана – образцы Туринской плащаницы, главной христианской святыни, предоставленные для радиоуглеродного анализа, были поддельными! Но ради чего церковь пошла на такой чудовищный подлог?..

© Леонтьев А. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Кастель Гандольфо, загородная резиденция папы римского, 4 августа прошлого года	6
Старший комиссар Элька Шрепп	14
Падре Фелиппе Ортега	43
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Антон Валерьевич Леонтьев

Святой нимб и терновый венец

«12. Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?»

13. Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес;

14. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша».

Из Первого послания к коринфянам апостола Павла, глава 15.

Из коммюнике, подписанного кардиналом Алессандро Морретти, архиепископом Турина и хранителем Туринской плащаницы, и распространенного пресс- службой Ватикана 4 ноября позапрошлого года:

«Уж лучше скандал, чем не вся ПРАВДА» – эти мудрейшие слова принадлежат папе Григорию Великому, и католическая церковь, следуя заветам славного понтифика, оповещает общественность о том, что результаты радиоуглеродного анализа Туринской плащаницы, в которую, согласно преданиям, по снятии с креста было завернуто тело Господа Нашего Иисуса Христа, проведенного в лабораториях Лозанны, Кембриджа и Далласа, полностью совпали с выводами подобных исследований, имевших место в 1988 году. Сие бесспорно свидетельствует: данная реликвия была изготовлена в период с 1260 по 1390 год от РХ, что значит: плащаница – чрезвычайно искусная средневековая подделка, никак не могущая быть погребальным саваном Спасителя...»

Кастель Гандольфо, загородная резиденция папы римского, 4 августа прошлого года

Старик, который правил половиной мира, казалось, мирно спал.

Сестра Марселина, пройдя в покои, низко поклонилась и перекрестилась. Он лежал на огромной кровати под балдахином. Монахиня приблизилась к святому отцу. За прошедшие восемь с половиной месяцев ничего не изменилось. Его святейшество римский папа Адриан VII по-прежнему находился в коме.

Монахиня приложила губами к тонкой руке папы, целуя массивный золотой «перстень рыбака», символ папской власти. Того требовал старинный обычай, и хотя его святейшество ничего не воспринимал, сестра Марселина каждый раз, оказываясь в его спальне, проделывала этот ритуал.

Папа римский не спал, он находился между жизнью и смертью, и, согласно прогнозам врачей, ему уже никогда не суждено открыть глаза. Приборы, к которым был подключен старик, тихо попискивали, в соседних апартаментах находились медики, следившие за состоянием здоровья главы Римско-католической церкви. Но надежд на улучшение не было.

Сестра Марселина, чьи глаза увлажнились, с любовью и преданностью посмотрела на папу Адриана. Старик – благородное лицо, высокий лоб с глубокими залысинами, орлиный нос – возлежал на застеленной свежайшим бельем кровати. На ней скончались двое из его предшественников: в 1978 году папа Павел VI, а за двадцать лет до этого, в 1958 году, Пий XII.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь: неизбежный круговорот мироздания был для пап неотличим от судеб тех, над кем они властвовали со времен апостола Петра. Ведь любой папа, в конце концов, не только наместник Иисуса Христа на Земле, преемник князя апостолов, верховный понтифик вселенской церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства-града Ватикан, раб рабов Божьих (такими официальными титулами обладал, как и все предыдущие святые отцы, и Адриан Седьмой), но и обычный смертный, хотя верилось в это с большим трудом.

Но не сестре Марселине подвергать сомнению догматы! Она всем сердцем любила папу Адриана, занимавшего престол святого Петра в течение шести лет, четырех месяцев и двадцати трех дней. И восемь с лишним месяцев находившегося в бессознательном состоянии – случай уникальный в анналах католической церкви!

Сестра Марселина верой и правдой служила предшественнику Адриана, в ее обязанности входило заботиться о чистоте папских апартаментов, о белье и еде понтифика, когда он прибывал из Ватикана в свою загородную резиденцию у Альбанского озера, на виллу Кастель Гандольфо. Павел VI недолго занимал папский престол, на вилле он бывал редко, и сестра Марселина видела его всего несколько раз, да и то мельком – ее постоянно оттесняли прелаты, сопровождавшие дряхлого святого отца.

Монахиня чрезвычайно гордилась тем, что ей дозволено прислуживать папе. Когда голландский кардинал Корнелиус Виллебрандес был избран верховным властителем Римско-католической церкви и, приняв имя Адриан, сделался двести шестьдесят шестым преемником апостола Петра, он через личного секретаря Яна Мансхольта известил сестру Марселину, что будет ей чрезвычайно признателен, если она останется в своей прежней должности в Кастель Гандольфо.

Папа Адриан, впервые прибыв на виллу, поразил всех тем, что приветствовал каждого из многочисленной челяди – он первым здоровался с садовниками, поварами и монахинями! А ведь далеко не все римские папы были столь демократичны в обращении! О Льве XIII судачили, что за двадцать пять лет своего понтификата (одного из самых долгих за всю историю

церкви!) он так ни разу не поздоровался со своим кучером. Да и прочие понтифики не отличались ангельским характером: Сикст V был чрезвычайно вспыльчив, а Пий XI – очень упрям. И это лишний раз подтверждало древнюю истину, произнести которую вслух, однако, никто не решался: невзирая на догмат о непогрешимости, дарованный папам Первым Ватиканским собором, они мало чем отличались от прочих смертных, каждый из них имел свои слабости и даже пороки.

Сестра Марселина подошла к большому окну и осторожно раздвинула тяжелые бархатные портьеры. Яркий свет залил спальню Адриана. Папа впал в кому за две недели до Рождества. Его – обездвиженного и сломленного, распростертого на полу кабинета – обнаружил личный секретарь. Вначале он даже подумал, что папа скончался, однако, нащупав прерывистый пульс, установил, что Адриан все еще жив.

В то воскресенье сестра Марселина пережила много странного и загадочного. Она помнила, что на протяжении предшествующих нескольких дней его святейшество был сам не свой. Вечером пятницы, за два дня до трагедии, папа прибыл из Ватикана на уик-энд в Кастель Гандольфо – он посещал папскую виллу, славившуюся своим необыкновенно красивым видом на близлежащее озеро и чудными садами, не только летом, но и в течение всего года. Как-то Адриан обмолвился, что, если Господу это угодно, он предпочел бы скончаться именно в Кастель Гандольфо. Если бы понтифик только мог помыслить, что его слова сбудутся!

Здоровье папы никогда не внушало серьезных опасений. Кардинал Виллебрандес стал понтификом в возрасте шестидесяти восьми лет, приняв имя Адриана Седьмого в честь папы Адриана Шестого, уроженца Утрехта (Виллебрандес тоже появился на свет в этом голландском городке), и все политические комментаторы дружно сходились во мнении, что ему суждено достаточно долгое правление – в отличие от тезки, занимавшего престол святого Петра в течение неполных двух лет в шестнадцатом веке и, по слухам, отравленного. Папа в молодости занимался плаванием и теперь охотно пользовался построенным по приказанию Иоанна Павла II в парке Кастель Гандольфо бассейном (польский понтифик на возражения кардиналов, сетовавших на то, что строительство бассейна и прокладка новых коммуникаций обойдутся в кругленькую сумму, безапелляционно заявил, что выборы нового папы будут все равно дороже), а также совершал долгие прогулки по горам, сопровождаемый секретарями, кардиналами и охраной.

Сестра Марселина, регулярно возвращавшаяся в мыслях к событиям того уик-энда, с каждым разом убеждалась, что папа слишком много работал и волновался. Его что-то угнетало, но разве он мог выложить свою тревогу кому бы то ни было! Ведь папы, увы, увы, не только безраздельные властители католического мира, но и зачастую одинокие и несчастные старики, отгороженные от окружающего неприступной стеной из ватиканских чинуш, кардиналов и швейцарских гвардейцев.

И в субботу и в воскресенье, накануне несчастья, папа принимал доверенных лиц, с которыми подолгу беседовал. Днем ранее был и таинственный гость... А вечером, после того как последний из посетителей удалился, личный секретарь и обнаружил святого отца недвижимым на полу кабинета.

Весь мир узнал о том, что у папы был инфаркт, в результате которого сердце несколько минут не билось. Дежурившие на вилле медики сумели вернуть понтифика к жизни, однако он не пришел в себя, а впал в кому.

Два консилиума, членами которых были самые известные итальянские и зарубежные врачи, ознакомившись заочно с состоянием больного, вынесли неутешительный вердикт: покидать виллу папе нельзя, переезд из Кастель Гандольфо на вертолете или автомобиле в Рим, в специализированную клинику или в Апостолический дворец, чреват непредвиденными осложнениями. Посему и было принято решение превратить Кастель Гандольфо в больницу.

Сестре Марселине показалось крайне подозрительным, что ни один из именитых медиков, высказывавших свое компетентное мнение, так и не получил права увидеть папу воочию. Личный врач Адриана, профессор Пелегрино, заявил, что иммунная система его сановного пациента подорвана и он не может рисковать здоровьем папы, превращая его опочивальню в проходной двор.

Сие только укрепило сестру Марселину в подозрениях. Профессор Пелегрино практически не допускал до папы коллег, превратив Адриана в безмолвного пленника Кастель Гандольфо. Сестра Марселина, на которую никто не обращал внимания, обладала тонким слухом, а куриальные кардиналы, время от времени наносившие визит вежливости лежащему в коме папе, роняли фразы, от которых монахине делалось страшно.

Она как-то, сама того не желая, подслушала беседу статс-секретаря Ватикана, своего рода премьер-министра самого крошечного в мире государства, правой руки папы, кардинала Мальдини с архиепископом Чжанем. Статс-секретарь, во-первых, заявил, что кома вызвана вовсе не инфарктом («Весь мир, а в особенности настырные журналисты проглотили эту сказочку про инфаркт. О, если бы они знали правду!»), во-вторых, воздал хвалу Господу за то, что папа не успел совершить нечто, чего многие так опасались («Он же хотел предать **это** огласке! Вы понимаете, какие кошмарные последствия **это** имело бы для всей церкви!»), и, в-третьих, выразил надежду на то, что папа скоро умрет («Так долго продолжаться не может! Я советовался с врачами, и они не исключают, что Адриан будет находиться в коме на протяжении многих лет. Воистину, ужасно!»).

Сестра Марселина давно усвоила незыблемое правило: все, что она слышала и видела в стенах Кастель Гандольфо, должно сгинуть вместе с ней. Монахиня знала, что не только курия и Ватикан, но и весь мир задавались вопросом: что будет дальше? Папой избирались пожизненно, однако теоретически понтифик мог добровольно сложить с себя полномочия и уйти в отставку. Такое за две тысячи лет церковной истории происходило весьма редко, в подавляющем большинстве случаев не по своей воле – пап или антипап принуждали к этому (как Иоанна XXIII или Григория XII), иногда те сами делали это многократно (Бенедикт IX аж трижды слагал полномочия, дабы открыть дорогу к престолу своим родственникам и всем тем, кто хорошо платил) и добровольно – только единожды (Целестин V), и ничто не предвещало, что может снова повториться.

Адриана нельзя было сместить или отстранить от должности, невозможно объявить папе импичмент или отправить понтифика на пенсию в связи со стойкой невозможностью выполнения обязанностей по состоянию здоровья. Апостолическая церковь переживала сложные времена – номинально у нее имелся верховный руководитель, но в действительности он находился без сознания и не мог ничего решать. Но «граду и миру» требовался поводырь!

Средства массовой информации без всякого почтения к святому отцу непринужденно обсуждали, можно ли применить к папе эвтаназию – отключив его от медицинских приборов, спровоцировать смерть и тем самым избавить церковь от балласта в лице обездвиженного и лишённого сознания понтифика. Статс-секретарь Ватикана Майкл Дюклер, которому однажды был задан подобный вопрос, с гневом отмел еретическое предположение, подчеркнув, что официальная позиция католической церкви отлично известна: жизнь даруется человеку Богом, и никто не вправе досрочно положить ей конец.

Мир уже привык к тому, что Ватикан находится в затянувшемся периоде междувластия и безвременья: решения по всем основным вопросам, да и второстепенным тоже, принимал папа, во время его отсутствия в Ватикане – статс-секретарь, однако ни кардинал Мальдини, ни прочие члены курии не брали на себя смелость провозглашать что-то от имени находившегося в состоянии комы папы Адриана. Сестра Марселина понимала: кардиналы ждут смерти понтифика, и никто не хочет уменьшить собственные шансы на избрание новым главой церкви, превышая полномочия и нарушая субординацию.

Сестра Марселина приоткрыла форточку: в спальне было душно. Профессор Пелегрино велел ей тщательно следить за тем, чтобы в спальне не было сквозняка, иначе ослабленный организм папы может стать жертвой банальной простуды, перешедшей в воспаление легких или менингит.

Досчитав вслух до шестидесяти, монахиня захлопнула форточку. Ей показалось, что по опочивальне разнесся тихий стон. Она внимательно посмотрела на папу Адриана. Тот недвижно лежал на кровати.

Сколько раз она мечтала о том, что папа придет в себя и все вернется на круги своя! Вначале, когда она только принялась ухаживать за беспомощным понтификом, сестра Марселина надеялась, что Адриан вот-вот откроет глаза и заговорит с ней, но постепенно поняла, что такое никогда не наступит....

Сестра Марселина подошла к папе и с любовью поправила одну из подушек у него под головой. На глаза монахини навернулись слезы. Смахнув их, сестра Марселина направилась к низкому столику, на котором стояли несколько грязных чашек. Кардиналы, навещавшие его святейшество утром, велели подать себе кофе. Здоровье папы, как безраздочно отметила для себя сестра Марселина, приготовившая и принеся им эспрессо, пурпураносцев абсолютно не занимало. Три князя церкви обменивались свежими сплетнями, дружно смеялись над анекдотами и полностью игнорировали папу, безучастно лежавшего всего в нескольких метрах от них.

– Сестра!

Монахиня живо обернулась. Ей почудилось или папа действительно позвал ее. Однако окрылившая ее надежда быстро исчезла, как только сестра Марселина взглянула на бледное лицо папы Адриана. Она принимает свои фантазии за реальность! Ей так хотелось, чтобы папа позвал ее, но по всему видно: этого никогда уже не случится.

Подхватив грязные чашки с раритетного столика черного дерева, принадлежавшего то ли Юлию Второму из княжеского рода делла Ровера, то ли его преемнику Льву Десятому из династии Медичи, монахиня направилась к выходу. Горестно качнув головой, она еще раз мельком взглянула на папу Адриана, потянула на себя золоченую ручку...

– Сестра! – раздался все тот же хриплый и властный голос.

Монахиня, развернувшись, выронила грязные чашки на персидский ковер. Это не была галлюцинация или наваждение, папа в самом деле обращался к ней!

Всхлипывая, сестра Марселина устремила к изголовью кровати. Веки папы Адриана дрогнули и приоткрылись. Сестра Марселина бухнулась на колени.

– Святой отец, святой отец, вы... вы пришли в себя! – пролепетала она, глотая слезы радости. Господь услышал ее молитвы!

Папа, одарив ее осмысленным взглядом, чуть шевельнул лежавшей поверх одеяла правой рукой, отчего «перстень рыбака» матово блеснул, и еле слышно произнес:

– Сестра Марселина, это ведь вы?

– Я, святой отец, я! – забормотала монахиня.

Господь в очередной раз продемонстрировал, что умеет творить чудеса! Ведь иначе как чудом нельзя объяснить то, что папа Адриан вышел из комы спустя без малого девять месяцев!

– Где я? – спросил папа.

Сестра Марселина поднялась с колен и склонилась над больным. Ее сухонькая ладонь легла ему на лоб.

– Святой отец, вы на вилле Кастель Гандольфо, – сказала она радостно, не в силах сдерживать улыбки.

Адриан закрыл глаза и прошептал:

– Что со мной? Я... я ничего не помню! Профессор Сикорский... Беседа с ним... А потом... Шаги... Да, да, шаги... Я что, болен? А как же рождественская месса в соборе Святого Петра?

Сестра Марселина поняла, что папа дезориентирован. Она, перекрестившись, снова упала ниц и поцеловала золотой перстень Адриана.

– Святой отец, я должна сказать вам что-то... страшное! Вы были без сознания почти девять месяцев! Сегодня – третье августа.

– Август? – произнес после долгой пазы Адриан. – Что со мной было, сестра?

– Святой отец, я не знаю, имею ли я право говорить вам, – начала монахиня.

Папа перебил ее:

– Сестра, не забывайте, что вы должны говорить мне только правду! Итак, что произошло?

– У вас случился инфаркт, потом вы впали в кому, святой отец, – боязливо сказала сестра Марселина и искоса посмотрела на папу.

Бескровные губы Адриана зашевелились, он с трудом выдавил из себя:

– Август... Прошло так много времени... Хм, поразительно – я не помню, что было со мной непосредственно до того... до того, как я заболел, но все события предшествовавших болезни недель, дней и даже часов все еще свежи в памяти. Да, да, это знак Господень! Если бы он не хотел, чтобы я предал это огласке, он бы призвал меня к себе, однако Господь решил, что я должен довести до конца возложенную на меня миссию.

Задавать вопросы папе было не дозволено, но сестра Марселина, пересилив страх, с любопытством спросила:

– Святой отец, что вы хотели предать огласке?

– В свое время вы узнаете, сестра, как узнают и все христиане, – прошептал папа. – Я желаю немедленно видеть статс-секретаря кардинала Мальдини!

Еще раз поцеловав золотой перстень, сестра Марселина вылетела из папской спальни. Коридор был пуст. Монахиня ворвалась в комнату дежурных: врач играл в карты с швейцарским гвардейцем, пожилая медсестра, попивая кофе, устала в толстую книгу в кроваво-черной обложке, чтение которой вообще-то каралось отлучением от церкви (то был супербестселлер Дейла Уайта «Улыбка Джоконды»).

– Что такое, сестра? – бросив на монахиню мимолетный взгляд, спросил врач.

– Святой отец... – задыхаясь, заговорила сестра Марселина.

Врач, нехотя отвлекшись от игры, беглым взглядом окинул экраны мониторов и сообщил:

– Со святым отцом все в порядке.

– Святой отец пришел в себя! – выпалила монахиня.

На секунду в комнате воцарилась тишина. Карты выпали из рук доктора, он вскочил со стула и бросился в коридор.

– Оповестите профессора Пелегрино! – крикнул он онемевшей медсестре, выронившей скандальный роман американского автора, повествующий об «истинной» жизни Иисуса Христа и преданный Ватиканом анафеме. – И как можно скорее!

Весть о том, что папа Адриан пришел в себя, в течение нескольких часов облетела всю планету. Кто-то из служащих папской виллы передал информацию итальянскому агентству ANSA, и спустя четверть часа почти все телевизионные каналы мира вышли с экстренным выпуском, сообщая о чуде в Кастель Гандольфо.

Сестре Марселине пришлось не меньше десяти раз рассказать про то, как все приключилось.

В загородную резиденцию папы пожаловала курия в полном составе. Кардиналы, архиепископы и епископы толпились в одном из залов на первом этаже. Сестра Марселина, сервируя напитки и закуски, прислушивалась к разговорам.

Монахиню пожелал видеть статс-секретарь кардинал Умберто Мальдини. Невысокий, полный, с остатками седых волос на яйцеобразной голове, покрытой алой шапочкой, кардинал

подверг монахиню подлинному допросу. Он только что вернулся после аудиенции у папы и, судя по всему, был чем-то чрезвычайно встревожен. Более того – недоволен и, не исключено, напуган.

Сестра Марселина изложила ему свою версию.

– И святой отец больше ничего не сказал? – уставившись на монахиню сквозь стекла очков, спросил статс-секретарь.

Сестра Марселина знала, что ложь – один из грехов (пусть и не смертный), но решила, что папа, как и любой человек, имеет право на приватную сферу, и, если Адриан захочет, он сам расскажет обо всем главе курии.

– Нет, ваше высокопреосвященство, – потупив взор, ответила сестра Марселина.

Кардинал смерил монахиню подозрительным взглядом и заявил:

– Святой отец хочет, чтобы вы выполняли роль сиделки. Когда профессор Пелегрино покинет опочивальню, можете навестить его святейшество.

Дождавшись, когда лейб-медик выйдет от папы, сестра Марселина, притаившись около приоткрытой двери одной из пустых комнат, прислушалась. То, чем она занимается, недостойно звания монахини, невесты Христовой! Однако она успокаивала себя мыслью, что папа одобрит ее действия и наверняка отпустит все грехи – она ведь действует в его интересах.

Профессор Маурисио Пелегрино, худой долговязый господин с седой бородкой и усами, одетый в белый костюм, обсуждал с кардиналом Мальдини состояние здоровья папы Адриана.

– У святого отца имеются симптомы частичной ретроградной амнезии, – провозгласил профессор, вытирая лоб платком. – Такое бывает достаточно часто, тем более с учетом повреждений...

Кардинал Мальдини замахал короткими пухлыми ручками:

– Маурисио, давай обойдемся без подробностей! Тебе же хорошо известно, что никто не должен узнать истинной причины, приведшей к коме.

Монахиня затаила дыхание. Вот это да! Получается, что у папы не было инфаркта? И о какой «истинной причине» ведет речь кардинал?

– Никто и не знает, – ответил Пелегрино. – Однако не забывай, Умберто, рано или поздно амнезия проходит и пациент вспоминает обо всем, что было с ним.

– И когда память может вернуться к святому отцу? – живо спросил кардинал.

Профессор, погладив бородку, ответил:

– Обычно такое происходит по прошествии двух-трех недель, иногда пары месяцев после пробуждения из комы. Бывают случаи, что воспоминания возвращаются к пациенту и через несколько дней, в редких же случаях амнезия так и не проходит вообще. Однако в случае со святым отцом я поостерегусь делать какой-либо прогноз...

– Достаточно! – заявил кардинал. – Меня беспокоит по большей части не то, вспомнит ли папа, что именно случилось с ним в декабре, а то, что он не отказался от тогдашнего плана. Но нет, он настаивает на немедленном разглашении.

В коридоре появилась группа кардиналов, и сестре Марселине пришлось ретироваться. Она так и не успела понять, что имеют в виду кардинал и профессор, однако знала, кто сможет удовлетворить ее любопытство – папа Адриан!

Она направилась в опочивальню. Папа, как ей показалось, дремал, но едва она затворила дверь, больной приоткрыл глаза и сказал:

– Сестра, вы – единственный человек, кому я могу доверять!

– Святой отец, вам вредно говорить! – запричитала Марселина. – Вы должны отдохнуть, поспать...

Папа перебил ее, шумно вздохнув:

– Я и так проспал последние восемь с лишком месяцев, сестра! Никак не могу вспомнить, что же произошло со мной в декабре, но я уверен – это никакой не инфаркт. По реакции про-

фессора Пелегрино я понял, что мое предположение верно. Причем случившееся непосредственно связано с тем... с тем, что я должен сделать, сестра. И вы поможете мне!

– Святой отец, но как я могу вам помочь? – забормотала монахиня. – Не лучше ли вам обратиться к его высокопреосвященству кардиналу Мальдини...

– Умберто в курсе, и он категорически против, – промолвил папа. – В таком немощем состоянии, сестра, я нахожусь в полной зависимости от моего статс-секретаря и курии. Мой секретарь, монсеньор Мансхольт, как назло, находится сейчас за границей и прибудет в Италию не раньше, чем завтра или послезавтра. А тогда, боюсь, будет поздно!

– О чем вы, святой отец? – ужаснулась сестра Марселина. – Я... я слышала разговор профессора Пелегрино и кардинала Мальдини... Они уверены, что вы быстро пойдете на поправку, и...

– И это кое-кому очень не нравится, – закончил за нее фразу папа. – Сестра, у вас найдется два листа бумаги и карандаш? Вы должны записать то, что я вам скажу...

Десять минут спустя в дверь опочивальни папы постучали, вслед за тем на пороге появился профессор Пелегрино.

– Ваше святейшество, как же я рад видеть вас в добром здравии! – широко улыбнулся он.

– Вы уже говорили мне это, профессор, – саркастически заметил папа. – У меня же не нарушены функции краткосрочной памяти!

Сестра Марселина выскользнула из спальни, зажав в руке листы из блокнота, на котором она записала то, что сообщил ей папа. Она ничего не понимала, но от нее и не требовалось понимать. Папа велел ей передать один из листов его личному секретарю, когда тот прибудет в Кастель Гандольфо (передать лично!), а другой, точную копию первого (сплошные цифры!), в случае смерти папы надлежало поместить в конверт, положить в палисандровую шкатулку и оставить в ящике письменного стола в Кастель Гандольфо, предварительно сделав на конверте надпись: «Прочесть моему преемнику».

Остаток дня пролетел незаметно. Профессор Пелегрино изъявил желание нести дежурство около папы, но святой отец настоял, чтобы лейб-медик отправился в Рим. Адриан заявил, что ему достаточно сестры Марселины в качестве сиделки.

Перед тем как покинуть виллу, профессор проинструктировал сестру Марселину:

– Я не могу противиться желаниям святого отца, однако вы, сестра, несете ответственность за состояние его здоровья. Рядом с папской спальней дежурит команда из трех медиков и двух медсестер. Вам же надлежит находиться около папы. Будьте внимательны!

Сестра Марселина поклялась, что не сомкнет глаз.

Понтифик заснул, а монахиня сидела около его ложа в кресле, не сводя взора с одухотворенного лица Адриана. В опочивальне горело несколько бра, из которых струился рассеянный призрачный свет. Около двух часов ночи в опочивальню постучали, вошел бородатый мужчина в белом халате. В руках у него был поднос, на котором стояли большой бокал, а также вазочка с печеньем.

– Сестра, – произнес он, как показалось Марселине, с легким акцентом, – вы наверняка утомились и проголодались. Стоит подкрепиться, вам ведь требуются силы. Я приготовил ваше любимое какао.

Сестра, сердечно поблагодарив медика, видимо, одного из дежурных врачей, поставила поднос на столик. Опустившись в кресло, она отхлебнула какао и захрустела печеньем. Святой отец мирно спал, и от этого на душе у монахини сделалось покойно и радостно.

Спустя двадцать минут дверь в папскую опочивальню приоткрылась. Тот же бородатый медик, который принес сестре Марселине поздний ужин, прокрался к монахине, обмякшей в кресле. Создавалось впечатление, что она спала. Так, собственно, и было, правда, сон, сморивший добровольную сиделку, был вызван большой дозой растворенного в какао снотворного.

Мужчина в белом халате подошел к папе Адриану, несколько мгновений смотрел на спящего, затем ухмыльнулся и вытащил из кармана небольшой шприц. Пришелец осторожно отбросил одеяло и впрыснул содержимое святому отцу в паховую область. Папа заворочался во сне. Лжемедик вышел из опочивальни и тихо прикрыл за собой дверь.

Через несколько секунд приборы, следившие за жизнедеятельностью организма папы Адриана, запищали: возникли экстрасистолы. В опочивальню ворвались медики, но сейчас среди них не было бородатого субъекта, сделавшего понтифику инъекцию.

– Остановка сердца! – крикнул один из врачей. – Сестра, живо! И везите сюда дефибрилятор!

Несмотря на все усилия, десять минут спустя врачи констатировали смерть его святейшества папы Адриана Седьмого. Бранный путь Корнелиуса Виллебрандеса завершился ранним утром четвертого августа.

С трудом растолкав сестру Марселину, один из врачей объяснил ей, что она проспала смерть святого отца. Сестра Марселина залилась слезами.

– Выпроводите эту особу, – распорядился врач. – Она пренебрегла своими обязанностями!

К четырем утра на виллу прибыли статс-секретарь кардинал Мальдини и профессор Пелегрино. Последний подтвердил смерть папы.

– Что, по вашему мнению, послужило причиной смерти? – спросил он у медиков.

Те, переглянувшись, ответили:

– Прекращение сердечной деятельности. Весь вопрос в том, что ее спровоцировало.

– Вы будете молчать обо всем, чему стали свидетелями, – строго сказал статс-секретарь покойного папы. – Где телефон? Дабы в Ватикане открылся период «вакантного престола», требуется, чтобы смерть папы зафиксировал камерленго. Кроме того, я хочу видеть кардинала-декана и великого пенитенциария!

И, схватив мобильный телефон, услужливо поданный ему кем-то из медиков, статс-секретарь начал набирать первый из номеров.

Старший комиссар Элька Шрепп

Старший комиссар криминальной полиции Гамбурга Элька Шрепп, взглянув на гроб с телом тетушки Иоганны, стоявший под сводами кирхи, с тоской подумала: «Как же я хотела бы оказаться на ее месте!»

Невыносимо долгая проповедь наконец-то закончилась. Пастор, размеренно перечислявший благодетели покойной, взял в руки книгу псалмов. Присутствовавшие на траурной церемонии поднялись со скамеек, зазвучали переливы органа, и нестройные голоса дружно затаили старинные слова.

Старший комиссар Шрепп, открывая и закрывая рот, делала вид, что тоже поет. Она быстро взглянула на наручные часы – эта попытка продолжалась час двадцать пять минут.

После завершения песнопений многочисленные родственники потянулись к гробу, чтобы попрощаться с тетушкой. Наступила и очередь Эльки. Комиссарша с грустью посмотрела на старую женщину. Тетушка Иоганна, безусловно, была эксцентричной личностью, однако она была одной из немногих, кто понимал Эльку Шрепп, которая, приезжая в родную деревушку, первым делом навещала старушку.

Тетушка Иоганна (в действительности она была двоюродной теткой ее матери) скончалась в почтенном возрасте – ей уже исполнился девяносто один год. Элька, прибывшая из Гамбурга специально для того, чтобы оказать последние почести тетушке Иоганне, сегодня не меньше двадцати раз слышала реплику о том, что в их семье все отличаются железным здоровьем и долголетием.

На улице лучи солнца с трудом пробивались сквозь облака, дул прохладный ветерок. Чувствовалось, что лето в Шлезвиг-Гольштейне, так, собственно, толком и не начавшееся, стремительно подходит к завершению.

Старший комиссар не любила кладбища. Возможно, это было связано с тем, что по роду своей деятельности (Элька жила в Гамбурге и работала в отделе по расследованию убийств) она ежедневно сталкивалась с проявлениями людской жестокости и во всех без исключения случаях ей приходилось иметь дело с мертвецами.

Кладбище было небольшим и ухоженным. Шествуя мимо гранитных и мраморных надгробий и памятников, Элька в очередной раз подумала о бренности бытия. У тетушки Иоганны была насыщенная жизнь. Три мужа, масса любовников и даже любовниц. Она, ничуть не стесняясь этого, не скрывала от Эльки, что взяла за правило наслаждаться существованием. Да еще приговаривала, мол, не следует упускать даруемых судьбой шансов, ведь, может статься, после смерти уже не представится возможность осуществить давно лелеемые мечты.

Тетушка провела большую часть жизни не в родной деревушке на севере Германии, недалеко от датской границы, а в крупных городах: Берлине, Мюнхене, Франкфурте, Кельне. Да и за границей ей довелось побывать. Только под старость, потеряв последнего супруга, тетушка решила вернуться на родину предков.

Элька Шрепп хорошо помнила, что разговоры с мудрой тетушкой очень помогли ей. Да, да, много лет назад, когда она была неловкой стеснительной девушкой с длинными темными волосами и полноватой фигурой, будущая комиссарша обращалась за советом не к родителям, а к тетушке Иоганне. Та первой узнала о страшном секрете Эльки, а именно о том, что юная Шрепп, к своему ужасу и негодованию, испытывает запретные чувства – ощущает тягу не к молодым людям, а к представительницам собственного пола.

Тетушка Иоганна, обожавшая крепкие сигареты и черный кофе (что, кстати, не сказалось негативно ни на ее здоровье, ни на красоте, которой она удивляла всех даже в возрасте семидесяти пяти), отнеслась к признаниям восемнадцатилетней Эльки совершенно спокойно

и поразила личной откровенностью в ответ. Вытащив из шкафа старый фотоальбом, она отыскала в нем изображение томной красавицы в серебристом платье с волосами, уложенными по моде тридцатых годов.

– Это моя самая трепетная любовь, – призналась тетушка. – Ее звали Эльза. Нашей связи не помешало то, что я уже была тогда замужем. Эльза являлась достаточно известной певицей, работающей в кабаре. Она была еврейкой и закончила жизнь в концлагере...

Элька подошла к вырытой глубокой яме. Появились работники похоронного бюро, которые опустили в могилу гроб из светлого дерева. Элька, чувствуя, что в глазах защипало, отвернулась. Ей будет не хватать тетушки Иоганны. Кстати, именно она помогла Эльке после окончания гимназии сделать правильный выбор. А вот родители Эльки были далеко не в восторге от желания дочери пойти работать в полицию. Они, весьма консервативные по своим убеждениям люди, считали, что ее удел – выйти замуж за богатого соседа (которого, кстати, и присмотрели), нарожать ему кучу детей и заниматься в течение последующих шестидесяти лет домашним хозяйством, трепетно ожидая по вечерам мужа.

И все же Эльке удалось добиться своего: поссорившись с родителями, она отбыла в Гамбург, где поступила на службу в полицию. Несколько лет она не общалась с родителями, и опять же тетушка Иоганна помогла ей помириться с ними. Оказалось, что отец ревниво следит за успехами старшей дочери и собирает газетные статьи, в которых упоминалось ее имя. Родители даже уверились, что Элька стала полицейской с их согласия и благословения, совершенно забыв прошлые споры и ссоры с дочерью.

Комиссарша самоотверженно трудилась на ниве раскрытия кровавых преступлений и получала новые похвалы и знаки отличия. А вот в личной ее жизни просвета не было. Как заявил Эльке знакомый психоаналитик, она просто не способна к долговременным серьезным отношениям, поскольку испытывает перед ними непреодолимый страх. Кто знает, может, в словах психоаналитика и содержалась доля правды, но дело было скорее в ином: Элька день и ночь пропадала на работе и была готова пожертвовать сном, выходными, отпуском и праздниками ради расследования очередного злодеяния. Ее подругам подобное быстро надоедало, и раз за разом повторялась одна и та же ситуация: комиссар Шрепп, вернувшись на свою съемную квартиру в гамбургском районе Бармбек, обнаруживала, что та пуста – ее пассия, собрав чемоданы, упорхнула, оставив на столе ключи и записку, в которой сообщала Эльке, что «так больше продолжаться не может». Впрочем, иногда записки не было, а пару раз Элька не только не обнаруживала в шкафах вещей покинувшей ее очередной подруги, но недосчитывалась и своих собственных.

Набравшись мужества, комиссар Элька Шрепп, которая вообще-то ничего и никого не боялась и с легкостью справлялась с самими отъявленными головорезами, в день своего тридцатилетия, приехав к родителям, выложила им всю правду. Ей надоели вечные попытки отца и матери устроить ее личную жизнь и выдать замуж за очередного состоятельного владельца куриной фермы или хозяина автомастерской, и Элька без обиняков заявила, что является лесбиянкой. Она рассчитывала, что родители будут шокированы, более того, до глубины души потрясены и морально раздавлены. Комиссарша настраивалась на обвинения, упреки, порицания, брань отца, слезы матери и попытки вразумить ее и наставить на путь истинный – то есть наконец-то последовать примеру братьев и сестер, сделаться семейным человеком, плодиться и размножаться.

Но все произошло не так, как Элька представляла. После ее слов отец, ничуть не удивившись, сдвинул очки на кончик носа и попросил матушку налить ему еще одну чашку кофе. Та недогнувшей рукой выполнила его просьбу. Затем родители, пропустив признание дочери, которое та репетировала в течение последних двух месяцев, мимо ушей, завели речь о том, что грядущей осенью ожидается падение цен на картошку. Элька, разозлившись, бабахнула кулаком по столу и заявила:

– Вы слышали? Я люблю женщин! Я лесбиянка!

Пододвинув ей чашку кофе, матушка любезно сказала:

– Да, да, это нам понятно, милая. Не хочешь ли немного пирога с ревенем?

Элька выбежала из родительского дома и, прыгнув в машину, умчалась в Гамбург. За прошедшие с тех пор без малого тринадцать лет она несколько раз пыталась снова и снова заговорить с родителями на щекотливую тему, но каждый раз они делали вид, что ничего не понимают, и немедленно переводили разговор на повседневные предметы.

Комиссарша со временем убедилась в том, что отец и матушка выбрали изумительную стратегию: делали вид, что ничего не изменилось. Они по-прежнему регулярно напоминали ей, что давно пора обзавестись семьей, то есть любящим мужем и как минимум тремя отпрысками. Ее влечение к женщинам они считали блажью горожанки, неловкой попыткой досадить семье и не воспринимали слова Эльки всерьез. Матушка нахваливала ей все новых и новых кандидатов в супруги, а отец громыхал, заявляя, что лесбиянки в действительности – обжегшиеся на мужчинах дамочки, которым требуются сильная мужская рука и размеренный распорядок жизни...

– Дорогая, нам пора! – услышала Элька голос одной из своих теток. Она встрепенулась, выныривая из воспоминаний, – многочисленные родственники небольшими группками покидали кладбище. – Не забывай, нам предстоят еще поминки!

Комиссарша Шрепп, с унынием взглянув на нескончаемую вереницу участников скорбной церемонии, уселась за руль своего «Форда-Эскорта» и порулила в сторону родительского дома. Она пообещала себе, что отдаст дань умершей тетушке и пробудет в семейном гнезде до вечера. Наверняка родители захотят, чтобы она осталась и на выходные, но Элька не желала задерживаться в деревушке и намеревалась тем же вечером вернуться в Гамбург. Она сошлется на неотложную работу (что отчасти правда), а также на то, что ее ожидает подруга (это была ложь). Со своей последней любовницей она рассталась почти полгода назад и с тех пор зализывала душевные раны; в квартире ее дожидалась только одна дама – трехцветная толстая кошка по кличке Ангела Меркель, вверенная по причине сегодняшней поездки в Шлезвиг-Гольштейн заботам коллеги и помощника Эльки долговязого Йохана Пилярски.

Спустя четверть часа, заглушив мотор, Элька поднялась по ступенькам родительского дома. На первом, как, впрочем, и на втором, этаже и даже в подвале гудели голоса. У Эльки имелось четыре брата и три сестры. Все они, за исключением младшего Штефана, которому только недавно исполнилось восемнадцать, были людьми семейными. Комиссарша толком не знала, сколько именно у нее племянников и племянниц, ибо ее братья и сестры вместе со своими женами и мужьями, в отличие от многих немцев, которые, как и сама Элька, предпочитали жить в одиночестве и не намеревались обзаводиться потомством, прикладывали все силы для улучшения негативной демографической ситуации в Федеративной Республике. На ее малой родине время, казалось, остановилось: мужчины трудились, дабы прокормить семью, женщины, не помышляя об эмансипации, вели домашнее хозяйство и рожали новых и новых детишек, и все были довольны жизнью.

– Даниэль! – раздался зычный женский голос, и Элька увидела, как на зов повернули головы сразу три или четыре мальчугана.

Комиссарша подошла к шведскому столу, положила на свою тарелку немного салата и, забившись в угол, принялась сосредоточенно жевать. Там ее и обнаружил отец. Герр Гюнтер Шрепп, высокий полный мужчина лет шестидесяти пяти с короткими седыми волосами и красным обветренным лицом, потрепал старшую дочку по плечу и заявил:

– Элька, я читал о твоём последнем расследовании в газетах! Все ловишь этого душителя в поездах? На его совести уже восемь жертв!

– Девять, – поправила отца Элька и вздохнула. Она знала, что последует за восхвалением ее подвигов: отец наверняка заведет речь о том, что у него на примете имеется порядочный

и, что важнее всего, богатый молодой человек, который страстно желает познакомиться со знаменитой гамбургской комиссаршей.

К ним присоединилась фрау Аннелиза Шрепп, матушка Эльки. Невысокая, подвижная, с живым лицом и черными выющимися волосами, она выглядела как постаревшая копия своей старшей дочери.

– Вы слышали, что сказал господин пастор? – спросила матушка и, не дожидаясь ответа, сообщила очередную сплетню: – Он знает, кому покойная тетушка Иоганна отписала все свое имущество.

– Да что ты? – изумился герр Шрепп.

Элька поморщилась.

– И откуда же у него подобные сведения? Неужели почтенный пастор ненароком вскрыл конверт с последней волей тетушки?

Матушка, всплеснув руками, ответила:

– Ему об этом сообщила ключница церкви, а та узнала от своей соседки, которая является кухней дамы, что убирается у сестры адвоката, составлявшего завещание тетушки Иоганны.

Фрау Шрепп смолкла, и супруг подстегнул ее вопросом:

– Так не томи, кто же все унаследовал? Уверен, что мы. У старушки больше не было наследников. Я знаю, у нее денег куры не клюют, хоть она и скромно жила. Один домина чего стоит! А еще она вела речь о каких-то акциях. Не забывай, кстати, и о коллекции картин, о драгоценностях...

Эльке сделалось невыносимо тошно. Родители, люди далеко не самые бедные в округе, отличались северонемецкой скуповатостью (или, как формулировал отец, – рачительностью) и тряслись над каждым пфеннигом, вернее, евроцентом. И о чем они могут говорить на поминках тетушки Иоганны? Конечно же о том, кому и что она завещала!

Фрау Шрепп, оглянувшись по сторонам, чуть понизила голос:

– Слушайте... Все равно это станет через полчаса известно каждому, да и завещание будут на днях вскрывать... Иоганна отписала все одному человеку – Эльке!

Комиссарша поперхнулась и отчаянно закашляла. Герр Шрепп принялся колотить ее увесистой ладонью по спине.

– Не хватало еще, Элька, чтобы ты подавилась и умерла! – со смехом заметил он. – Поздравляю, дочка!

Отец с матерью переглянулись, герр Шрепп снова заговорил:

– Элька, ты же знаешь, что тетушка Иоганна, хотя она вечно жаловалась на безденежье и на высокие цены в супермаркете, с голоду не пухла. Я тут прикинул... Ее усадьба стоит не меньше трехсот пятидесяти тысяч! Если выбрать правильную стратегию, можно цену процентов на тридцать, а то и на все пятьдесят поднять...

Элька уставилась в окно, за которым простирался унылый пейзаж: поля, болота и островки деревьев, а также гигантские иглы металлических ветряных мельниц, вырабатывающих электроэнергию. Отец говорил, говорил и говорил... Матушка кивала, кивала и кивала... Комиссарша молчала. Все сводилось к одному: она должна доверить управление неожиданным богатством, свалившимся на ее голову, родителям, которые сумеют и старинный особняк тетушки привести в порядок, и выбить нужную цену за угоды, и выгодно продать картины с драгоценностями.

К ним подошли несколько человек: дядя Манфред и тетя Андреа Хюбнер, родственники с материнской стороны, а также их сынок Райко, кузен Эльки, в компании со своей пресной супругой Уши. Тетка и дядька принялись энергично поздравлять Эльку, и комиссарша подумала, что поминки превратились в фарс: никто не скорбел по поводу кончины тетушки Иоганны, о ней, собственно, все забыли в тот момент, как только гроб соскользнул в могилу. Многочисленные дети и подростки сновали сейчас по дому, крича и смеясь, родственники

оживленно беседовали друг с другом, соседи от пуза наедались, пастор был уже подшофе, кто-то целовался в коридоре, а во дворе слышались звуки хип-хопа.

Комиссарше Шрепп страстно захотелось одного: оказаться как можно дальше от родителей, родственников и их отпрысков, в гамбургской квартире, и сесть вместе с трехцветной Ангелой Меркель на диван рядом с лазерным проигрывателем, исторгающим «Реквием» Моцарта.

Элька обладала способностью отключаться – делала вид, что внимательно слушает собеседника, а на самом деле ныряла в собственные мысли. Она зачастую применяла этот нехитрый трюк во время совещания у начальства. Вот и теперь тетка и дядька, как рыбы, раскрывали рты, однако Элька ничего не слышала. Комиссарша блаженно кивала головой и думала о том, что пробудет здесь еще час – всего лишь шестьдесят минут! – и наконец отправится домой.

– Вот и отлично! – вернул ее к действительности пронзительный голос тети Андреа. Она обернулась, поманила кого-то рукой и добавила: – Я уверена, что он тебе понравится, Элька. Он серьезный мужчина, работает в банке...

Комиссарша с ужасом поняла, что, впад в нирвану, кивком головы дала согласие на знакомство с одним из очередных кандидатов в мужья. Она подумала: не завизжать ли ей на весь дом, полный родичей, соседей и деревенского истеблишмента в лице пастора, начальника пожарной охраны и аптекарши? Подобная выходка наверняка пришлась бы по душе обожавшей розыгрыши тетушке Иоганне. Элька вообразила выпученные глаза дядек и теток, кузин и кузенов, племянников и племянниц, выпавшую на пол вставную челюсть пастора и вставший дыбом парик главы деревенского самоуправления. Наступила бы тишина, все бы замерли, никто бы ее не задержал, и тогда она смогла бы усесться в машину и смыться с ненавистой малой родины. Возможно даже, что родители оставили бы ее наконец в покое и позволили на пятом десятке жить так, как она того желает, а не так, как это требуется им.

Элька еле сдержалась, чтобы не осуществить задуманное. Собственно, она уже даже набрала в легкие воздуха, как вдруг узрела видение. Или, может быть, призрака? Перед ней стояла тонкая белокожая девушка с распущенными светлыми волосами, высокими скулами и удивительными, чуть раскосыми зелеными глазами. Такой Элька всегда представляла себе мадам Клавдию Шоша, одну из героинь «Волшебной горы», своего любимого романа.

Тетя Андреа, задвинув девушку своим крупным бюстом в сторону, объявила:

– Вот и наш Тобиас! Родной брат Уши, супруги Райко! Он увлекается криминологией, Элька, не пропускает по телевизору ни одной серии «Места преступления»!

Элька без всякого интереса взглянула на сутулого и лысоватого субъекта с кроличьим оскалом, большой лысиной, обрамленной остатками соломенных кудрей, в мешковатых брюках, рубашке навывпуск и в старомодных очках. Тип протянул ей волосатую руку, и Элька с отвращением пожала вялую мокрую ладонь. Комиссарша наступила Тобиасу на ногу, и пока тот ойкал, отпихнула его в сторону. Видение, поразившее ее, не исчезло.

– Ах, это Габи, родная сестра Тобиаса, – небрежно произнесла тетя Андреа. – Милочка, принесите мне, пожалуйста, еще сосисок!

Ангел Габи удалилась. Смотря ей вслед, Элька подумала, что девушка прелестна, как отражение солнца в капле утренней росы. Вообще-то комиссарша предпочитала темнокожих и черноволосых подруг и была уверена, что ее тип – средиземноморские смуглянки, но сейчас она была очарована совершенно противоположной красотой.

– Я столько слышал о вас, комиссар! Вы разрешите мне называть вас Элькой? – бормотал тем временем Тобиас.

Комиссарша нехотя взглянула на зануду и подумала, что арестует его и посадит в камеру предварительного заключения, если он будет и впредь ей докучать. И как у такого страшилища могла оказаться такая очаровательная... нет, попросту божественная младшая сестра?

Отец подтолкнул Эльку к Тобиасу и доверительно шепнул дочери на ушко:

– Удели нашему гостю чуть-чуть внимания. Его в следующем году прочат в директора филиала банка! Он получает не меньше двенадцати тысяч в месяц! И до сих пор не женат! Не тушуйся, Элька!

Габи все не было. Эльку вместе с Тобиасом выпихнули в сад. Банкир продолжал что-то бубнить себе под нос. Элька, заметив его сестру, даже не извинившись, покинула его и подошла к Габи. Комиссарша заметила, как девушка смутилась.

Вести беседу с Габи было чрезвычайно легко. Через пару минут, правда, к ним присоединился Тобиас, но его присутствие женщины игнорировали. Элька могла поклясться, что в раскосых глазах Габи мерцает таинственный огонь. Девушка – что за совпадение! – изучала в Гамбургском университете литературоведение и романистику. Габи пожелала бокал сока, и Элька самолично принесла ей напиток. Когда комиссарша передавала бокал девушке, их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Эльке показалось, что она сейчас упадет в обморок от волнения.

– Благодарю вас, Элька, – произнесла Габи, и сердце комиссарши сладко заныло. Тобиас, ничего не понимая из происходящего, продолжал вести разговор как бы сам с собой. Женщины, засмеявшись, зашли из сада в дом.

Элька решила: сейчас или никогда. В коридоре никого не было. Она дотронулась до руки Габи. Девушка обернулась, и по ее взгляду комиссарша Шрепп поняла: студентка не отвергнет ее!

Пальцы комиссарши дотронулись до льняных волос Габи, изумрудные глаза девицы засверкали. Элька приблизилась к студентке, еще немного... Ей было абсолютно безразлично, что подумают пастор и адвокат, губы Габи были так близко...

– Труп! Труп! Труп! – раздались вопли и визги.

Элька отпрянула от Габи, и в тот же момент коридор наводнился людьми. Со стороны сада возник перепуганный Тобиас, из зала появился встревоженный герр Шрепп.

– Элька, ты нам нужна! – заявил отец.

Комиссарша с тоской посмотрела на мечтательно улыбающуюся Габи. Что за черт! О каком трупе идет речь? Кто-то из родственников перепил и свалился в колодец или пасторахватила кондрашка? Да пускай весь мир провалится в преисподнюю, только бы ее оставили наедине с Габи!

Но любовь любовью, а долг долгом, и старший комиссар криминальной полиции Элька Шрепп последовала за отцом и Тобиасом в сад.

– Так где обещанный труп? – зло спросила Элька у Тобиаса и дернула его за локоть. – Или это ваша милая шутка? Учтите, за такое можно схлопотать весомый штраф!

Тобиас, побледнев, икнул и указал на мальчишку лет девяти-десяти, вокруг которого толпились взрослые.

– Элька, мой сынок нашел труп! – запричитала, бросаясь к ней, кузина, кажется, Мелани или Сандра (не исключено, однако, что Ута).

Элька, все еще переживавшая по поводу того, что ее поцелуй с Габи прервали столь неподобающим образом под надуманным предлогом – откуда в этой замшелой деревушке криминальный труп? Здесь со времен окончания Тридцатилетней войны не было убийств! – прикрикнула на родственников:

– Все дружно перестали галдеть! Вот так-то лучше. И расступитесь!

Она подошла к раскрасневшемуся белобрысому мальчишке, присела на корточки и, сурово взглянув на него, произнесла:

– Ну что же, мой юный друг... Как тебя зовут?

– Даниэль, – ответил тот с дрожью в голосе.

Элька вытащила из кармана джинсов удостоверение и, продемонстрировав его мальчишке, сказала:

– Как ты видишь, я – старший комиссар отдела по расследованию убийств. Так что, Даниэль, расскажи мне все, что тебе известно про труп.

Дети, как знала по личному опыту Элька, делились на две категории свидетелей: или они безудержно фантазировали, или сообщали детальную информацию лучше любого взрослого.

Даниэль, на которого слова Эльки не произвели особого впечатления, заворуженно спросил:

– А пистолет у вас имеется?

– Я оставила его дома, – ответила Элька. – Итак, Даниэль, что за история с трупом? Где ты его обнаружил?

– Мы! – с гордостью ответил мальчик. – Гарри, Янек и я...

– Не впутывайте моих сыновей! – раздался вопль какой-то дальней родственницы, рыже-волосой анемичной особы. – Мои Янек и Гарри к этому не имеют отношения!

– Имеем, мамочка! – заверещали двое мальчишек, похожих как две капли воды – курносые, конопатые, медноголовые, с ободранными коленками и без передних молочных зубов. – Мы с Данни труп откопали! Он такой страшный! Совсем черный! Прямо как в фильме про мумию, что вчера по телику крутили!

Элька велела близнецам присоединиться к Даниэлю и спросила:

– Где вы нашли тело?

– Вон там! – наперебой закричали мальчишки и указали пальцами куда-то вдаль. – Мы туда бегали, чтобы на змей посмотреть!

– Куда туда? – терпеливо спросила Элька.

Дети пояснили:

– Ну, там машины такие странные стоят. И еще там есть вывеска, что посторонним проходить запрещено...

Элька непонимающе посмотрела на отца, герр Шрепп пояснил:

– Ах, я догадываюсь, что имеют в виду сорванцы – наверняка мальчишки угодили на торфяные разработки. Они же здесь рядом, вон за той рощицей начинаются!

Комиссарша Шрепп вспомнила: действительно, как же у нее могло вылететь из головы! Вообще-то в ее компетенцию расследование преступлений на территории Шлезвиг-Гольштейна не входит, однако она имеет право осмотреть тело.

– Нужно вызвать полицию! – подал голос кто-то из родственников, но фрау Шрепп ответила:

– Элька и есть полиция!

– Пока вызывать полицию не стоит, – вмешалась Элька, – ведь не исключено, что тревога ложная. Ребята отведут меня к месту обнаружения так называемого трупа, и если на болотах действительно находится мертвец, тогда и оповестим должным образом власти.

Гости зашептались. Еще бы, в их краях произошло убийство! Вместе с Элькой осматривать труп вызвались ее брат Бернд, герр Шрепп и занудливый Тобиас. Элька с сожалением посмотрела на побледневшую Габи и, взяв Даниэля за руку, сказала:

– Ты должен показать нам, где лежит тело. Помнишь, где нашел его?

– Ну конечно! – воодушевился ребенок. – А меня полиция допрашивать будет? Ой, как интересно!

По пути на торфяные разработки Эльке опять пришлось выслушивать разглагольствования Тобиаса.

Они миновали рощицу и оказались на бывших болотах. Когда-то давным-давно, многие столетия назад, там была трясина, но затем вода постепенно испарилась, образовались большие залежи торфа, которые и разрабатывались уже в течение десятилетий.

Мальчишка тянул Эльку за руку вперед. Они подошли к обрыву.

– Там, там! – зашептал ребенок и прижался к Эльке.

Комиссарша оттолкнула Тобиаса, собиравшегося спрыгнуть на дно небольшого каньона, заявив:

– Я как представитель полиции обладаю приоритетом при осмотре места преступления. Прошу всех оставаться на своих местах до моего распоряжения!

Отец и брат устали на Эльку, однако возражать ей не решились. Тобиас, переминаясь с ноги на ногу, тоже стих. Комиссарша проворно спустилась вслед за мальчишкой по пологому склону метра на три в котлован, образовавшийся после изъятия пластов торфа. Даниэль ткнул пальцем во что-то черное и сказал:

– Вот он, госпожа комиссар, труп!

Элька приблизилась к тому месту, на которое указывал мальчик. Там действительно было человеческое тело, похожее на странное изваяние. Комиссарше сразу же бросилось в глаза, что тело не лежит на земле, перемешанной с глиной и торфом, а как бы впечатано в нее. Элька выудила из заднего кармана брюк упаковку резиновых перчаток – она носила их с собой всегда, следуя старой привычке и зная, что с преступлением она может столкнуться в любой момент.

Комиссарша поразились тому, что тело было черного цвета. Ей приходилось видеть трупы на различной стадии разложения, а кроме того, она несколько раз принимала участие в процедуре эксгумации останков из могил. Но ни одно из виденных тел не походило на лежавшее сейчас перед ней.

Элька осторожно дотронулась до мертвеца и с удивлением обнаружила, что он похож на манекен. Ее удивило, что тело было в весьма хорошем состоянии (обычно если останки жертв находят в земле, то взору полицейских предстают в основном кости). Станный покойник лежал на правом боку, неловко подогнув ноги и раскинув руки. Лица не видно – оно было засыпано землей.

Элька попыталась проанализировать ситуацию: кто-то, совершив убийство, попытался избавиться от тела, зарыв его на бывшем торфяном болоте? Этот человек должен быть чрезвычайно глуп, если выбрал место, где работают машины. Надеялся, что они размолотят тело на мелкие кусочки и никто не заметит, что в пластах обнаружился мертвец? Но все свидетельствует о том, что труп пролежал в болоте довольно длительное время и подвергся процессу мумификации...

Позади раздались громкие голоса, и к Эльке подошли герр Шрепп, Бернд и Тобиас.

– Вот так находка! – присвистнул брат комиссарши.

– И кто только поднял на него руку? – со страхом произнес герр Шрепп.

Тобиас, изучив покойника, поправил очки и заявил:

– Перед нами – типичная торфяная мумия!

– Что? – переспросила Элька. Ей не понравилось, что занудливый банкир корчит из себя эксперта и делает вслух выводы.

– Элька, думаю, он прав, – поддержал его герр Шрепп. – Я слышал, что время от времени торфяные мумии обнаруживают, но чтобы у нас...

– Тут нет ничего странного, – тоном знатока принялся вещать Тобиас. – У нас, в Северной Германии, подобное в порядке вещей. Ведь здесь раньше простирались бескрайние болота, которые со временем превратились в залежи торфа. Мумии – это останки людей, угодивших в болота многие столетия назад! Иногда их возраст исчисляется тысячелетиями. По большей части это тела доисторических людей, которых их соплеменники приносили в жертву языческим богам или казнили, топя в болоте, за какие-либо провинности. Например, за воровство, прелюбодеяния или однополый грех...

Элька, на секунду представив, что в эпоху неолита ее, предпочитающую женщин, связали бы и живьем бросили в болотную топь, резко прервала рассуждения Тобиаса:

– Не следует делать скоропалительные выводы! Не исключено, что перед нами жертва убийства. Совершивший преступление мог намеренно зарыть тело здесь.

И все же она была готова согласиться со словами Тобиаса: мертвец был облачен в странную, напоминавшую средневековую, одежду, которая, как и тело, приняла оливково-черный цвет.

– Произошла естественная консервация, – продолжал в упоении, будто не слыша возражений, несостоявшийся Элькин жених. – Содержание кислорода на дне болота было минимальным, зато имелся высокий процент дубильной кислоты, что предотвратило процесс разложения и законсервировало труп. Тело попросту минерализовалось, а мягкие части приняли такой странный оттенок под воздействием танина. Раньше, когда на болотах трудились наемные рабочие с лопатами, торфяные мумии находили гораздо чаще. Но в последние десятилетия добычу торфа механизировали, и...

Элька вспомнила, что как-то видела по телевизору репортаж о торфяных мумиях. Некоторые из них выставались в естественно-научных и краеведческих музеях, а одна из-за огненных волос, принявших подобную окраску под воздействием минеральных веществ, получила прозвище Рыжий Франц.

– А мне дадут медаль за то, что я обнаружил мумию? – любопытствовал Даниэль.

Элька выудила из кармана мобильный телефон и набрала номер своего отдела. Обрисовав в нескольких фразах ситуацию, она попросила довести информацию до сведения местной полиции.

Полтора часа спустя, завершив давать показания, комиссарша Шрепп вернулась в родительский особняк. Церемония поминок по тетушке Иоганне была окончательно сорвана. Все только и говорили, что об обнаруженной в торфяниках мумии. Матушка сладким голосом предложила Эльке остаться на ночь. Пришлось ей согласиться. Фрау Шрепп, воспрянув духом, заявила:

– Вот и отлично! У нас к ужину будет гость!

Элька надеялась, что гостем окажется Габи, но ее ждало разочарование: к Шреппам должен был присоединиться настырный брат Габи Тобиас. Матушка с радостной улыбкой сообщила:

– Тоби без ума от тебя! Ты ему очень нравишься! Его поразило то, с каким мужеством ты осматривала труп!

– Не нужен мне ваш драгоценный Тоби! Не желаю видеть его за ужином! – страшно недовольная суетой матери, резко ответила комиссарша; ее боялись преступники, уважали коллеги, ненавидело начальство, для них она была суровой и проницательной комиссаршей криминальной полиции, а для родителей оставалась несмышленной маленькой девчушкой, которую требовалось наставить на путь истинный.

– Ах, он – завидная партия! – продолжала фрау Шрепп. – И такой воспитанный молодой человек! Элька, не обижай его. Что он о нас подумает, если ты проигнорируешь его попытки ухаживать за тобой?

– А его сестра... Она тоже будет с нами ужинать? – спросила как можно более безразлично Элька.

Фрау Шрепп поморщилась:

– Эта Габи – такая странная личность. Нет, нет, она отправилась восвояси, так что тебе и Тоби никто не помешает!

К великому облегчению Эльки, званый ужин не состоялся – нашлись дела более интересные для нее. Заявив, что должна помочь местной полиции, комиссарша ускользнула на торфяные разработки. Несколько мужчин и женщин в форме топтались около тела, явно не зная, что им делать. Один из полицейских с надеждой посмотрел на Эльку.

– Госпожа комиссар, нам требуется ваша помощь. Не исключено, что этот несчастный стал жертвой преступления, правда, произошло оно много столетий назад, однако в наши обязанности входит расследование любого случая насильственной смерти. Но, с другой стороны, речь идет об уникальной археологической находке, и присутствие экспертов нам здорово бы подсобило...

Эльке пришлось снова звонить в Гамбург. Она связалась с профессором Ульрихом Кеплерсом, отвечавшим в отделе по расследованию убийств за судебно-медицинскую экспертизу и токсикологические исследования. Профессор, выслушав рассказ Эльки, радостно воскликнул:

– Элька, девочка моя, ты не представляешь, как давно я мечтал о подобном! Торфяная мумия – что может быть лучше! В особенности, если человек стал жертвой убийства в эпоху неолита! У меня имеется хороший знакомый в Гамбургском университете, его специализация – подобные находки. Я немедленно свяжусь с ним, надеюсь, что он не в отпуске где-нибудь за границей. Да я и сам хочу принять участие в извлечении мумии! Ничего без нас не делайте!

Ульрих Кеплерс перезвонил Эльке через десять минут и сообщил, что профессор Вернер Клостермайер выказал небывалый интерес и намерен тотчас отправиться в Шлезвиг-Гольштейн, дабы осмотреть мумию.

– Я, само собой, буду сопровождать Вернера, – добавил Ульрих Кеплерс. – Боже мой, только подумать, торфяная мумия! Мы с Вернером напишем статью по этому поводу!

Автомобиль с двумя профессорами появился во дворе дома родителей Эльки под вечер. Гости и родственники, к небывалой радости комиссарши, разошлись, и больше никто не досаждал ей отчаянными детскими криками, глупыми шутками и нелепыми замечаниями. Элька еще в юности приняла решение, что останется бездетной. Материнский инстинкт, если он у нее вообще имелся, так и не пробудился, она отдавала всю энергию работе и карьере и ничуть не сожалела, что не обзавелась потомством. Хотя иногда (в последние годы – все чаще и чаще) она думала о том, что, найди она верную подругу, с которой была бы готова провести остаток жизни, тема «ребенок» могла бы оказаться актуальной. Но какая из нее мать! И все же на секунду ей представилось: вот она вместе с Габи идет по берегу Альстера в Гамбурге и толкает детскую коляску, в которой посапывает очаровательный малыш...

– Элька! – бросился к комиссарше бородатый коротышка Ульрих Кеплерс, одетый, как всегда, в костюм-тройку и рубашку с галстуком-бабочкой под воротником. Элька работала бок о бок с Ульрихом почти двадцать лет и привыкла уважать и ценить его – именно благодаря его советам и выводам она раскрыла не один десяток запутанных преступлений.

Ульрих обнял и облобызал Эльку, а затем представил ей высокого худого господина с хищным лицом и крючковатым носом:

– Профессор Вернер Клостермайер, один из ведущих специалистов в Европе по торфяным мумиям. Ну-с, и где же наш драгоценный покойничек?

Вечерело, сделалось прохладно. Элька проводила экспертов к месту обнаружения тела. Профессор Клостермайер, распластавшись около мумии, принялся рассматривать находку, постоянно восклицая:

– Что за чудный экземпляр! Просто изумительно!

Некоторое время спустя он обратился к Эльке:

– Госпожа комиссар, распорядитесь установить здесь круглосуточную охрану!

– Зачем? – удивилась Элька. – Если убийство и произошло, то оно имеет исключительно исторический интерес, ибо случилось очень давно, и преступник, конечно же, сотни лет назад скончался, а кости его рассыпались в прах.

– Знаете, сколько подобная мумия может стоить на черном рынке, где сбываются предметы искусства и артефакты? – грозно спросил профессор Клостермайер. – Не удивлюсь, если найдутся желающие отдать за подобный великолепный образчик полмиллиона евро!

Элька переговорила с местной полицией, и те оставили на ночь возле места находки машину с двумя патрульными. Родители Эльки любезно предложили профессорам по комнате у себя в доме. Ульрих Кеплер и Вернер Клостермайер с энтузиазмом приняли предложение.

– У тебя замечательные родители! – заявил комиссарше коротышка-эксперт.

Элька подумала, что он, в сущности, прав. Но, добавила она про себя, и самые замечательные родители могут ужасно действовать на нервы.

Растянувшись на кровати в своей бывшей детской комнате, комиссарша быстро заснула. Ей так хотелось, чтобы привиделась красавица Габи, но вместо этого Эльку мучили кошмары: она одна ночью на болотах, около мумии, дотрагивается до нее, и вдруг та открывает глаза и пытается вылезти из земли...

Элька проснулась от стука в дверь. Когда-то, много лет назад, мама будила ее. Комиссарша спросонья испугалась: неужели она все еще школьница и служба в полиции и размышления о ребенке – всего лишь сновидение?

В комнату к Эльке, так и не дождавшись ответа, зашла фрау Шрепп.

– Дорогая, включи телевизор, – сказала она.

Элька щелкнула пультом, возникла картинка с изображением площади Святого Петра в Риме, запруженной людьми. Взволнованный комментатор что-то вещал. Элька переключила на другой канал: камеры показывали городок Кастель Гандольфо, недалеко от Рима, где располагалась загородная резиденция римского папы. Элька присмотрелась к бегущей строке: «Прошедшей ночью скончался глава римско-католической церкви Адриан VII. Вчера он вышел из комы, в которой находился с декабря прошлого года после перенесенного инфаркта. Смерть папы, по заявлению его личного врача, произошла в результате остановки сердца».

Элька нажала на красную кнопку, и экран телевизора погас. Фрау Шрепп запричитала: – Разве тебя это не интересует? Какое трагическое событие!

– Умер старик, которому было за семьдесят. То же самое за прошедшие пять секунд произошло, наверное, раз двадцать по всему миру, – сказала, зевая, комиссарша Шрепп. – И поднимать такую шумиху только из-за того, что этим стариком, что отдал концы, был папа римский, явно не стоит. И вообще ты же не католичка, а лютеранка, так что смерть папы должна тебе быть по барабану.

Матушка поджала губы и осуждающе покачала головой: она обожала программы о жизни европейской аристократии, выписывала несколько глянцевого журналов, в которых подробно обмусоливалось, родит ли Камилла от Чарльза, на ком женится князь Альберт из Монако, прессингуют ли своих невесток голландская и датская королевы и правда ли, что тот или иной наследник благородного рода – алкоголик или наркоман.

Подобные великосветские страсти были Эльке совершенно безразличны, как и то, кто восседает на папском престоле. Она помнила эйфорию, охватившую страну лет десять назад, когда понтификом был избран немецкий кардинал, и траур, быстро, правда, прошедший, когда он скончался. Вопросами религии Элька не интересовалась, воскресение Христа считала мифом, над церковными догмами открыто смеялась и верила, хотя, впрочем, тоже не слишком, в наличие некоего универсального разума во Вселенной, который, однако, не имеет ни малейшего отношения к тем сказочкам, которыми потчуют миллиарды верующих религии любого толка. Рождество, Пасха и Вознесение были для Эльки дополнительными выходными, однако она никак не связывала их с верой и свершением обрядов.

– Как ты можешь! – с упреком бросила фрау Шрепп и вышла из комнаты дочери, оставив комиссаршу в одиночестве.

Спустя четверть часа Элька появилась на кухне, где за большим столом сидел и, размахивая кофейной ложечкой, разглагольствовал профессор Ульрих Кеплерс.

– Вот и наша соня! – с явным неодобрением воскликнул отец. Элька испуганно подумала, что время, кажется, и правда потекло вспять. Родители и в ее детстве не одобряли привычку дочери дрыхнуть до полудня, считая это показателем лени и чуть ли не разнузданности. Элька, как могла, пыталась им объяснить, что принадлежит к «совам», но ни матушка, ни отец и слышать ничего не хотели: сами они поднимались не позднее шести и требовали от детей, чтобы они поступали так же.

– Мы с госпожой Шрепп как раз беседовали о смерти понтифика, – сообщил профессор Кеплерс.

Элька, усевшись за стол, с хмурым видом принялась намазывать сливовым джемом половину булочки.

– И что все так беспокоятся по поводу его смерти? – пожала плечами она. – Ну умер папа, и что из того? Рано или поздно это все равно бы случилось.

– Но он пришел в себя! Хотя такое бывает, – заявил Кеплерс, прихлебывая кофе. – Я читал об одном случае: где-то в Америке пациентка, находившаяся после автокатастрофы в коме в течение почти десяти лет, вдруг открыла глаза и заговорила. Врачи были ошарашены, семья ликовала, женщина чувствовала себя замечательно. А спустя неделю или около того, когда она уже пыталась заново ходить, пациентка снова погрузилась в прежнее сумеречное состояние, в котором находится до сих пор. Никто не знает, почему она пришла в себя и отчего снова впала в кому, имеется ли шанс, что она когда-нибудь обретет сознание. Подобное наверняка произошло и с папой Адрианом: выход из комы может свидетельствовать не только о значительном улучшении состояния, но и об обострении проблемы. Ослабленный организм понтифика не выдержал, тем более что его сразу принялись посещать кардиналы, что вызвало стресс, и в результате – летальный исход.

Затем разговор перешел к насущным проблемам. Профессор Клостермайер сообщил, что в течение часа из Гамбурга приедет команда его ассистентов, которые примутся за извлечение мумии. Раритетную находку решили транспортировать в университет, чтобы там подвергнуть ее всевозможным анализам.

– Сдается мне, что наша мумия особенная, – заметил историк. – Обычно мумии датируются вторым, а то и третьим тысячелетием до нашей эры, иногда – первыми веками новой эры. Однако, если судить по одежде «нашей» мумии, она – гораздо более позднего периода.

– Людей в жертву богам приносили древние германцы, ведь так? – спросил Ульрих Кеплерс. – Но с распространением на этих землях христианства подобная ужасная практика за достаточно быстрый период времени сошла на нет. Или нам суждено вписать новую главу в историю Средневековья, установив, что в отдельных регионах человеческие жертвоприношения все еще сохранились?

– А как вы намерены определить возраст мумии? – спросила фрау Шрепп.

Профессор Клостермайер объяснил:

– Мы пользуемся радиоуглеродным анализом, при помощи него можно установить возраст с точностью до пары десятилетий.

– И именно при помощи радиоуглеродного анализа недавно было во второй раз доказано, что Туринская плащаница – подделка, – вставил профессор Кеплерс. – Ее сделали чрезвычайно искусные мастера на рубеже тринадцатого и четырнадцатого веков. Правда, никто до сих пор не знает, каким именно образом. Даже сейчас, в эпоху компьютеров, способ изготовления остается тайной за семью печатями.

– А этот самый радиоуглеродный анализ надежен? – подал голос герр Шрепп.

Элька, жуя булку, лишь краем уха слышала разговор, а думала о Габи. Она обязательно найдет девушку в Гамбурге и... и проявит инициативу!

– Более чем, – ответил хозяину дома профессор Клостермайер. – За последние годы методика значительно улучшилась, и вскоре, надеюсь, станет возможным определять не примерный, а точный возраст объектов с отклонением всего в несколько лет.

Элька позвонила в Гамбург и, узнав у Йохана, что с ее кошкой все в порядке, принялась собираться в обратный путь. Матушка, от которой не ускользнуло, что Элька намеревается покинуть дом, сказала:

– На следующей неделе Тобиас собирается в ваши края... Ты ведь покажешь ему Гамбург?

– Нет! – отрезала комиссарша.

Матушку категоричный ответ дочери не смутил.

– Но, Элька, ты же не можешь бросить его в большом незнакомом городе! В твои обязанности полицейской входит заботиться о гражданах и их безопасности! Тоби мог бы пригласить тебя в ресторан...

– Какое отношение поход в ресторан имеет к заботе о безопасности граждан? – спросила раздраженно Элька. Родители, как знала она, наученная горьким опытом, возьмут не мытьем, так катаньем.

– Не будь такой букой, – заговорила ласково фрау Шрепп, но Элька почему-то почувствовала себя грешницей в лапах священной инквизиции. – Тобиас такой хороший молодой человек...

– Мама! – заявила Элька, вешая на плечо сумку. – Во-первых, с чего ты взяла, что он хороший? Я не исключаю, что он может оказаться жестоким убийцей и тайным извращенцем. Во-вторых, молодым человеком он мог именоваться лет двадцать назад, в-третьих, оставьте с отцом эти нелепые попытки выдать меня замуж, я уже много раз говорила, что мужчины совершенно меня не...

Матушка прервала ее:

– Тебе уже за сорок, Элька, пора повзрослеть и забыть о благоглупостях, которыми ты забиваешь себе голову.

– ...совершенно меня не интересуют! – завершила прерванную тираду Элька и твердым шагом направилась к двери.

Матушка загородила ей путь.

– Только не заводи старую песню о том, что ты... что ты... гм... поклонница розовой любви, – заявила фрау Шрепп. – Все твои сестры и братья – нормальные люди!

– Я тоже абсолютно нормальна! – крикнула Элька.

Она так и знала, что ее пребывание под кровом родительского дома завершится очередным скандалом и попытками родителей перевоспитать заблудшую дочь.

– Да, да, все мои дети – нормальные люди со здоровыми инстинктами и естественными сексуальными пристрастиями! – не слушая возражений, продолжала фрау Аннелиза Шрепп. – Ни в моем роду, ни в роду твоего отца таких... аномалий не было. И наверняка это покойная Иоганна тебе голову забила и с пути истинного совратила!

– Никто меня не сбивал! – ответила Элька, мечтая поскорее оказаться на улице, но теперь уже оба родителя стояли в дверном проеме, не желая ее пропускать. Лицо матери выражало решимость, физиономия отца приобрела лиловый оттенок.

– Я приняла осознанное решение и не раскаиваюсь в нем! – отчеканила комиссарша. – Если вы заводите речь о вине, то, чтобы найти виновных, посмотритесь в зеркало! Во мне – ваши гены, и если природа сделала меня такой...

– Ты сама сделала себя такой! – взвизгнула матушка. – И все для того, чтобы досадить нам! Наши гены в полном порядке, тебя строптивый характер и порочный Гамбург испортили. Среди тех, кто живет, как и мы, на свежем воздухе и занимается физическим трудом, извращенцев нет. Ты же знаешь, как мы тебя любим и как переживаем за тебя, Элька! Одумайся: тебе идет пятый десяток, а ты так и не нашла себе мужа или хотя бы постоянного друга!

– И не найду, – буркнула Элька, пытаясь протиснуться между отцом и матерью.

– Зато мы тебе нашли, – возразил герр Шрепп. – Чем тебе не нравится Тобиас? Да, он не Брэд Питт, однако у него покладистый характер, солидная работа и более чем приличный заработок. А когда он займет место директора филиала...

Элька достаточно грубо оттолкнула матушку и вылетела в коридор.

– Что ты себе позволяешь, Элька! – взревел отец.

– Это что вы себе позволяете? – бросила на ходу Элька. – Да, вы правы, мне – пятый десяток, и вы должны наконец уяснить: я не собираюсь меняться!

– Тоби наверняка проявит такт и нежность, – уже всхлипывала фрау Шрепп, – он не будет тебя торопить. Однако предоставь ему шанс!

– Шанс затащить меня в постель и заняться правильным, с точки зрения жителей этой деревни, сексом? – спросила злобно Элька. – Никакие Тоби мне и даром не нужны!

Оставив ошолобленных родителей в коридоре, Элька сбегала по лестнице на первый этаж. Профессоров уже и след простыл – они отправились на торфяные разработки и, к счастью, не стали свидетелями разыгравшейся сцены.

Во дворе она налетела на Тобиаса. Банкир, протягивая ей роскошный букет белых роз, пролепетал:

– Элька, я хочу, чтобы вы знали, что мои чувства к вам...

– Уверена, что мне лучше не знать, – процедила, отскакивая от Тобиаса, комиссарша и ринулась к своему автомобилю. Внезапно она обернулась и спросила у опешившего жениха:

– Ваша сестра учится в Гамбурге? У вас имеется номер ее телефона?

Получив у Тоби номер мобильного Габи, Элька уселась за руль и резко захлопнула дверцу прямо перед носом Тобиаса, совавшего ей цветы.

– Элька, прошу, извините мою неуклюжесть, я не хотел вас обидеть...

Комиссарша, опустив немного стекло, сказала:

– Дело не в вас, а во мне. А цветочки, чтобы не пропали, отнесите на могилу тетушки Иоганны.

Заметив в зеркало заднего вида появившихся во дворе родителей, Элька Шрепп нажала педаль газа и, игнорируя их крики и жесты, отправилась в обратный путь – в Гамбург.

Судьба торфяной мумии не особенно волновала Эльку, однако когда три дня спустя ей позвонил профессор Кеплерс и предложил зайти к его приятелю Вернеру Клостермайеру, комиссарша так и поступила.

В университет она выбралась под вечер. Вообще-то с гораздо большей охотой Элька встретила бы с Габи: она пыталась дозвониться до нее, но девушка не брала трубку. Комиссарша Шрепп несколько приуныла и подумала, не проявила ли она на похоронах тетушки Иоганны слишком много инициативы – это могло отпугнуть Габи.

Профессор Клостермайер встретил Эльку в большом холле.

– Госпожа комиссар, чрезвычайно рад видеть вас! – поприветствовал он ее. – Благодаря вашим изысканиям в моих руках оказался уникальный экспонат для музея!

– Ах, неужели? – спросила Элька. Габи занимала ее гораздо больше, чем торфяная мумия.

Они прошествовали в подвал, где располагалось просторное помещение без окон, похожее на прозекторскую. Заметив недоумевающий взгляд комиссарши, профессор Клостермайер пояснил:

– Здесь происходят вскрытия. Но не пугайтесь, моими пациентами являются торфяные мумии, я уже начал изучение нашей находки.

Элька услышала громкий голос Ульриха Кеплерса, а через мгновение коротышка-ученый и сам появился из соседнего помещения. Энергично пожав руку Эльке, он заявил:

– Ну вот и все в сборе! Можем приступать!

Посередине подвального помещения располагался металлический стол, на котором лежала торфяная мумия. Помощники профессора Клостермайера осторожно извлекли ее из земли, не повредив. Элька обратила внимание, что тело застыло в странной позе – создавалось впечатление, будто человек, нашедший смерть в болотах, спал.

– Вам удалось установить, что послужило причиной смерти? – спросила Элька.

Профессор Клостермайер потер руки.

– О, обо всем по порядку! Сначала взгляните на это!

Он продемонстрировал ей поднос, на котором лежало несколько желтых и черных дисков. Присмотревшись, Элька поняла: перед нею старинные монеты. Желтый металл был золотом, а черный – окислившимся серебром.

– Они обнаружили в мешочке, привязанном к поясу нашего... ммм... друга, – сказал Вернер Клостермайер, глядя на мумию. – Кстати, мы с Ульрихом решили дать ему имя. Назовем его Антоном.

Антон так Антон, Элька не имела ничего против. Она взяла одну из монет в руки. Профессор Кеплерс поморщился и предупредил:

– Элька, необходимо надеть перчатки!

Комиссарше пришлось подчиниться требованию эксперта. Затем она снова начала рассматривать монету, на которой заметила рельефные изображения и надписи.

– Язык старофранцузский, – констатировал Клостермайер, – монеты одной эпохи: конца тринадцатого – начала четырнадцатого веков, периода правления Филиппа IV.

В истории Элька никогда не была сильна. Она помнила, как в школе ей пришлось мучиться, зубря даты и имена. Упор делался на национал-социализме и том колоссальном вреде, который принесли двенадцать лет гитлеровской диктатуры Германии, Европе и всему миру.

– Филипп правил Францией с 1285 по 1314 год. Поэтому мы можем определить с достаточной долей уверенности время смерти Антона: первые полтора десятилетия четырнадцатого века, – пояснил профессор Кеплерс.

– С таким я еще не сталкивался, обычно все мумии гораздо более древние. Вообще-то действует закон: чем древнее, тем ценнее, но в нашем случае все наоборот! – Клостермайер помолчал. Подумав, он добавил: – Данных радиоуглеродного анализа придется подождать, но, вероятнее всего, они подтвердят уже известные нам факты. Да и остатки одежды Антона указывают на то, что он жил во времена позднего Средневековья.

– Только что он делал в Гольштейне? – поинтересовался профессор Кеплерс. – Хотя на этот вопрос только наш покойник и мог бы дать исчерпывающий ответ. Как и на другой – кто его убил.

– Антона убили? – с любопытством спросила Элька, которая до сего момента довольно безучастно слушала двух профессоров.

– Поэтому-то, госпожа комиссар, я и попросил вас зайти, – ответил Клостермайер. – Чтобы вы имели представление, о чем идет речь, взгляните на это!

Он взял со стола несколько рентгеновских снимков мумии. Комиссарша заинтересовалась:

– Вы на основании рентгена сделали вывод, что Антона убили?

– Не только, – ответил профессор Кеплерс. – Я с большой охотой помогаю Вернеру, и вот что мне удалось обнаружить! Ведь перед нами – мертвец, жертва преступления, и какая разница, что смерть настигла его едва ли не тысячу лет назад. Благодаря прихоти природы останки несчастного не истлели, и мы можем изучить его брэнное тело...

Ульрих приблизился к мумии и провел пальцем по ее затылку. Элька нагнулась и увидела небольшое углубление.

– След от удара тупым предметом! – заявил безапелляционно Кеплерс. – Это подтверждают рентгеновские снимки: взгляни сюда, Элька!

Комиссарша стала рассматривать снимки.

– Кроме того, его пытались удушить, о чем свидетельствует странгуляционная борозда от веревки! Смерть наступила не мгновенно, – добавил коротышка-ученый. – Скорее всего, Антон пытался скрыться от своих преследователей или преследователя, но, угодив в трясину, попросту потерял силы и захлебнулся. Его тело быстро погрузилось на дно, что и стало первой и важной предпосылкой для естественной консервации.

Вернер Клостермайер сунул Эльке еще один снимок и заявил:

– А вот это, надеюсь, поможет нам разгадать тайну его гибели! Профессор Кеплерс обнаружил это сегодня днем.

– Что – это? – спросила Элька, вертя в руках снимок.

– След, оставленный убийцей! – сообщил Ульрих. – Все указывает на то, что на Антона напали подло, со спины. Кто-то попытался разmozжить ему затылок, но промахнулся, поэтому захотел удушить жертву при помощи веревки. Антон сопротивлялся, завязалась борьба. И в пылу драки убийца случайно оставил свой фирменный знак.

– Знак? – переспросила Элька. – Что за знак?

– Тот самый, обнаруженный мной! – не без гордости пояснил бородатый ученый. – Там же, на шее!

– Ты думаешь, что это след от кольца или перстня? – спросила Элька.

– Я не думаю, дорогая моя, а знаю! – улыбнулся профессор Кеплерс. – Убийца действовал с таким напором, что в тот момент, когда он пытался задушить Антона со спины, его перстень впился в кожу на шее. Остался след, который не исчез, ведь спустя короткое время Антон все же скончался.

Эксперт передал Эльке два листа: один с увеличенным изображением отпечатка перстня, другой – с восстановленным при помощи компьютерной программы изображением, увидев которое комиссарша воскликнула:

– Никогда бы не подумала, что эта черная клякса на самом деле – звезда!

– Не звезда, а комета, – поправил ее профессор Клостермайер. – Видите, у нее имеется хвостатый след.

– И надпись, – сказала Элька. – Латынь?

– Так точно, – подтвердил Ульрих Кеплерс. – Сохранилось всего несколько букв, однако нам известно, что девиз состоит из трех слов: .i.t ..l....s .ua.

Элька с сомнением посмотрела на профессора и заметила:

– И ты думаешь, что нам это поможет?

– Непременно! – заявил тот. – Последнее слово, и Вернер полностью со мной согласен, наверняка tua, по-латыни «твоя».

– Даже если так, – сказала Элька, – что это принесет? Человек, палец которого украшал перстень с изображением звезды, пардон, кометы и неким латинским девизом, давным-давно мертв.

Ульрих Кеплерс запыхтел:

– Элька, как же ты не понимаешь – мы можем разгадать тайну, которой семь столетий!

Комиссарша предпочла промолчать. Ее занимали убийцы в настоящем, а не в прошлом. Какое ей, собственно, дело до мумии, нареченной Антоном и убитой невесть кем в начале четырнадцатого века?

– Госпожа комиссар, в те времена, в отличие от сегодняшних, кольца украшали символами и девизами с определенной целью – подчеркнуть свою принадлежность к определенной корпорации, сословию, семье или тайному обществу, – произнес Вернер Клостермайер. – Я уже отослал запрос нескольким знакомым историкам и не сомневаюсь, что рано или поздно

они сообщают мне, кому именно принадлежал, или, если повезет, и поныне принадлежит изображенный на перстне герб.

– А теперь приступим к той процедуре, которую я с трепетом ожидаю уже третий день! – прервал его Ульрих Кеплерс. Затем криминалист пояснил Эльке: – Мы осмотрели тело Антона, однако, чтобы не пропустить ни единой мелочи, хотим получить его трехмерное изображение. И тогда откроется, имеются ли на его теле другие раны, которые мы, возможно, пропустили.

Беднягу Антона на мобильном металлическом столе вывезли из подвального помещения. В коридоре профессорам и Эльке встретилось несколько человек, которые с большим любопытством уставились на мумию.

– Я говорил с медиками из университетской клиники в Эппендорфе, и они разрешили использовать в исследовательских целях компьютерный томограф, – сказал профессор Кеплерс. – Но для этого Антону придется совершить поездку по Гамбургу!

Торфяную мумию погрузили в фургон, Элька, воспользовавшись передышкой, снова позвонила Габи, но девушка упорно не брала трубку. Тогда комиссарше пришло в голову, что Тоби мог намеренно дать ей неправильный номер.

– Элька, ты же поедешь с нами? – спросил Ульрих.

Комиссарше, которая вообще-то хотела забыть о мумии и заняться устройством личной жизни, не оставалось ничего другого, как ответить согласием.

Уже стемнело, когда они прибыли к клинике. Выгружая мумию, профессор Клостермайер усмехнулся и пошутил:

– Только бы никто не подумал, что мы пытаемся избавиться от жертвы!

Делегацию с мумией встретил старинный приятель Кеплерса, который предоставил в их распоряжение компьютерный томограф. Оба профессора принялись увлеченно обсуждать что-то, Элька задумалась горестно над тем, что ей суждено до конца жизни возиться с мертвецами. У ее братьев и сестер, кузенов и кузин имелись семьи, а у нее – только мурлыкающая Ангела Меркель. Элька с отчаянием подумала, что налицо кризис среднего возраста. Она достигла всего, о чем мечтала, но вряд ли ей светит дальнейшее повышение по службе – начальство ее ценило, но не любило. Да и вообще у женщины нет особенных шансов занять руководящую должность в аппарате.

Комиссарша Шрепп знала: самое надежное лекарство от хандры для нее – расследование очередного дела. Или... Ах, если бы только Габи сняла трубку!

Ее мысли прервал вопль профессора Кеплерса:

– Не верю своим глазам! Господи, вот это да!

– Что случилось, Ульрих? – спросила Элька у воздевшего к небу кулачки коллеги.

Профессор Кеплерс бросился обнимать комиссаршу. Позволив ему себя облобызывать, Элька услышала:

– Без тебя, моя дорогая, мы бы прошли мимо такой сенсации!

Улыбающийся профессор Клостермайер добавил:

– Госпожа комиссар, взгляните на монитор!

Элька так и сделала. И увидела трехмерное изображение Антона. Ну и что?

Ученый увеличил силуэт правой ноги мумии и спросил:

– Вы ведь тоже видите это?

– Что я должна видеть? – удивилась Элька.

Подскочивший к ней Ульрих Кеплерс простонал:

– Да вот же! Как же мы не заметили!

– Вполне естественно, – ответил Клостермайер, – во-первых, мумия лежит на правом боку, во-вторых, предмет скрыт одеждой.

Элька долго пялилась в монитор и наконец сообразила:

– Ага, теперь понимаю, что вы имеете в виду. У нашей мумии на ноге имеется какая-то опухоль. Или, вернее, нарост.

– Не опухоль или нарост, а некий привязанный к телу предмет! – поправил ее, волнуясь, профессор Кеплерс. – Сейчас мы узнаем, что это такое...

Мумию извлекли из томографа и осторожно перевернули. После различных ухищрений только через сорок минут в руках профессора Кеплерса оказалось нечто, напоминавшее жезл.

– Это же чистое золото! – воскликнула Элька.

– Не сомневаюсь в этом, – ответил горделиво Кеплерс и потряс находку.

– Осторожнее! – предупредил его Клостермайер и взял золотую трубку в руки.

Затем и Элька рассмотрела ее. Она была покрыта письменами, но не латинскими буквами, а совершенно иными. Изучив надписи, профессор Клостермайер заявил:

– Очень похоже на древнеаравийский язык. Причем уверен, что этот предмет намного старше, чем сама мумия. Подобные драгоценные чехлы из металла использовали в Древнем Риме для хранения рукописей.

Ульрих Кеплерс, услышав его слова, подскочил и прошептал:

– Но как у Антона оказался золотой тубус?

– Если мы узнаем, что в нем находится, то, вероятно, сумеем найти ответ на ваш вопрос, – сказал Клостермайер. – Знаете, какая у меня мелькнула мысль? Наш Антон находился в здешних краях с особой миссией, и она заключалась в том, что он должен был доставить некое послание.

– Очень может быть, – кивнул Ульрих Кеплерс. – Причем оно имело большую ценность, иначе для чего послание поместили в старинный золотой чехол... Антон был гоним, как же я сам не догадался! Времена тогда были беспокойные, убивали не только ради золотого тубуса – из-за пары медяков. Поэтому Антон и спрятал чехол под одеждой, прикрепив при помощи кожаных ремней к ноге.

– Вы обратили внимание, профессор, что Антон был одет намеренно неброско? – продолжил размышления Клостермайер. – А ведь у него в кошельке имелось небольшое состояние, золотой же чехол вообще цены не имеет! Я прямо-таки горю от нетерпения... интересно, что скрывается в золотом тубусе?

Элька внезапно выпалила:

– Тогда все становится понятным!

– Что именно? – обернулись к ней оба ученых, которые, кажется, уже и забыли о присутствии комиссарши.

Шрепп пояснила:

– Антон стал жертвой бандитов, которые, прознав о его ценном грузе, попытались его ограбить. Они напали на него где-нибудь на безлюдной тропе, пытались удушить, но Антон оказался проворнее и бежал от них. Спасая собственную жизнь, он угодил в болото. Ранения, нанесенные ему нападавшими, были весьма серьезными, хотя и напрямую для жизни не опасными. Однако, попав в трясину, он не сумел уже оттуда выбраться.

– Элька, ты просто чудо! – воскликнул Ульрих. – Какая восхитительная случайность, что именно ты обнаружила Антона! Ты все так разложила по полочкам, что я просто диву даюсь!

– Но что же пытался спасти Антон? – промолвил профессор Клостермайер. – Разбойники в те времена не церемонились с жертвами, это сущая правда, однако вряд ли кто-то из них носил перстень с латинским девизом.

– Среди нападавших мог оказаться монах-расстрига или мелкопоместный дворянин, – предположил Кеплерс.

– Но почему Антон не отдал им золотой чехол? – спросил задумчиво Клостермайер.

– Он предпочел поставить на кон собственную жизнь, чем уступить требованиям разбойников, – сказала Элька, и ее слова произвели необычайный эффект.

Золотой тубус положили на стол. Клостермайер внимательно осмотрел его и отметил:

– Очень искусная работа. Меня не удивит, если содержимое чехла находится еще в приличном состоянии. Крышка пригнана очень плотно, так что вода не могла проникнуть внутрь.

Он попытался открыть тубус, но у него ничего не получилось. Комиссарша Шрепп немедленно предложила:

– Надо его распилить.

– Ни в коем случае! – возразил шокированный Вернер Клостермайер. – Это единственная в своем роде реликвия. У меня иная идея – мы заглянем в тубус, не снимая крышки. Ведь в нашем распоряжении имеется современная техника.

Двадцать минут спустя все трое, как зачарованные, рассматривали на компьютере изображение того, что находилось в полости тубуса.

– Очень похоже на свиток пергамента, – сказал Клостермайер. – Что же за тайну скрывает золотой чехол?

Мобильный Эльки запищал. Она отчего-то вдруг подумала, что звонит Габи, но звонок оказался от ее помощника Йохана Пилярски.

– Элька, ты нам нужна, – сообщил он. – Душителю нанес новый удар!

В туалете одного из поездов, пришедших в Гамбург, было обнаружено тело молодой женщины, которая стала очередной жертвой серийного убийцы. Выслушав доклад, комиссарша сказала профессорам, что вынуждена их покинуть.

Клостермайер и Кеплерс не обратили внимания на ее слова. Они были поглощены дискуссией по поводу того, что может находиться в золотом футляре и каким образом можно извлечь содержимое, не повреждая тубус.

Элька прибыла на центральный вокзал, где осмотрела место происшествия, переговорила со свидетелями и попыталась (безуспешно) напасть на след преступника.

Домой комиссарша вернулась в начале четвертого утра. Ей хотелось принять душ и лечь спать. В ее распоряжении было всего несколько часов, чтобы прийти в себя после напряженного дня и еще более напряженной ночи.

Последнее, что помнила комиссарша, когда опустилась на софу, было то, что к ней на колени взгромоздилась неповоротливая Ангела Меркель: не прошло и пяти секунд, как Элька отключилась.

Ее разбудил телефонный звонок. Комиссарша, разлепив глаза, с трудом доковыляла до телефона, чувствуя, что левая нога затекла. Схватила трубку и хрипло произнесла:

– Шрепп слушает!

– Элька, ты не представляешь, что произошло! – услышала она восторженный рев Ульриха Кеплерса.

Комиссарша посмотрела на часы: было три минуты шестого. Она могла бы спать еще часа два!

– Отчего же? Очень даже представляю, – буркнула Элька, растирая ногу. – Ты разбудил меня! Надеюсь, у тебя имеется веское основание звонить ни свет ни заря!

– Мы открыли тубус! – заявил профессор, словно не замечая ее брюзжания. – Там имелся тайный механизм, который приводил в движение крышку. Элька, наша находка станет сенсацией номер один за последние две тысячи лет! Я никак не могу поверить, что все это правда!

– Что – правда, Ульрих? – спросила Элька, кипя от возмущения. Он позвонил ей в такую рань, чтобы всего-навсего сообщить, что они с Клостермайером вскрыли тубус! Она знала Ульриха: у того, холерика по темпераменту, все было «сенсационно» и «невероятно».

Трехцветная Ангела Меркель с урчанием подбежала к Эльке и принялась тереться о затекшую ногу хозяйки. Комиссарша тяжело вздохнула в трубку. Приняв это за знак одобрения, Кеплерс зачастил:

– Мы доставили Антона обратно в институт. То, что мы узнали, совершит переворот в человеческом мировоззрении, ведь то, чем нас пичкали до сих пор, не имеет ни малейшего отношения к действительности. Ложь, все ложь, причем намеренная! Они все знают и обманывают весь мир!

Кровообращение в затекшей ноге наконец-то восстановилось, и Элька, потрепав за ушком Ангелу, ехидно поинтересовалась:

– Ульрих, а ваше открытие не может подождать до полудня? Если, как ты говоришь, оно ждало две тысячи лет, то полдня ничего не изменят.

– Элька! – заверещал Кеплерс. – Это заговор! И ты не представляешь, кто его инициировал! Ты права, Антон был гоним, и они сделали все, чтобы он не смог выполнить свою миссию. Они убили его! Но судьбе было угодно сделать так, чтобы мы нашли Антона спустя семьсот лет, а вместе с ним – и благую весть! Это перст Божий! Вот именно – перст Божий! Случайность, какая невероятная случайность!

Профессор захлебнулся от собственного восторга, а Элька зевнула и подумала, что ради двух часов сна она готова отдать все тайны мироздания. Да и что такого важного могло содержаться в золотом тубусе? Послание какого-нибудь императора или короля, проливающее свет на замшелые секреты Средневековья? Доказательства того, что Америку открыл не Колумб, а викинги или древние римляне? Или свидетельства высадки передового десанта марсиан в Шлезвиг-Гольштейне семьсот лет назад?

– Ульрих, я тебя поняла, – снова вздохнула Элька. – Очень за вас с Клостермайером рада, но сейчас не время обсуждать тайны истории. Не забывай, тебе через пару часов выходить на работу, а ты, похоже, так и не прилег прошедшей ночью. Советую тебе отложить страшные тайны в сторону и немного вздремнуть.

– Элька, я не могу спать, когда стало известно, что... – выпалил Кеплерс, но Элька перебила его:

– Ты не можешь, а я очень даже могу. Обязательно загляну к тебе сегодня, тогда ты мне все и расскажешь. А теперь давай завершим разговор!

Профессор пытался что-то вставить, но Элька была неумолима. Она повесила трубку, а затем, подумав, вовсе отключила телефон.

Комиссарша перебралась в спальню, где, вытянувшись на кровати, мгновенно заснула. Два часа пролетели, как две секунды, – противный писк будильника поднял ее на ноги. Элька поплелась на кухню, чтобы выпить кофе и перекусить. Ангела Меркель потрусила за ней, жалобно мяукая.

– Госпожа федеральный канцлер, вам неплохо бы сесть на диету, – обратилась Элька к кошке, желавшей получить порцию утренней еды. Ангела весила девять с лишним килограммов и могла лопать не переставая.

Прибыв в полицейпрезидиум, Элька занялась составлением отчета по вечернему происшествию на вокзале. Ее шеф, директор Карстен Брютнер, лощеный педант и кислородный хлыщ, как называла про себя свое начальство комиссарша, столкнувшись с Элькой в коридоре (наверняка намеренно!), первым делом спросил:

– Шрепп, вы ведь уже подготовили детальный отчет по последнему убийству, совершенному душителем?

Брютнеру Элька не нравилась. Впрочем, и он не вызывал в ней положительных эмоций. Каждый раз, когда благодаря ее стараниям раскрывалось очередное громкое дело, в газетах появлялась его фотография и пространное интервью, в котором директор восхвалял единственного человека – себя самого и обходил полным молчанием Эльку и прочих сотрудников, вывернувшихся наизнанку, дабы поймать убийцу.

– Будет у вас к концу дня, – ответила Элька.

Брютнер, облаченный, как всегда, в дорожный, сшитый на заказ костюм, взглянул на нее поверх очков без оправы и холодно заявил:

– К полудню, Шрепп! Я не потерплю, чтобы вы пренебрегали своими прямыми обязанностями. А если не можете с ними справляться, то самое время задуматься над тем, чтобы подать заявление о вашем переводе из отдела по расследованию убийств в дорожную полицию.

Элька вернулась в кабинет, где застала Йохана Пилярски, строчащего что-то на компьютере. – Привет, шеф, – сказал он, – отчет почти готов. По твоему лицу видно, что имела счастье переговорить с Брютнером?

– «Комплимент» от него в коридоре – такой же неотъемлемый ритуал, как и утренний кофе, – съязвила Элька. – Он никак не может успокоиться, что две недели назад в «Гамбургер Абендблатт» появилась заметка обо мне с кошмарной, правда, фотографией в профиль и перевранными фактами, но, что самое ужасное, без единого упоминания его имени!

– Такое Брютнер пережить не мог, – согласился Йохан. – Кстати, ты не знаешь, что с профессором Кеплерсом?

Элька удивилась:

– А что с ним должно быть?

– Его нет на работе, – сообщил Пилярски. – Ты ведь вчера его видела, он тебе ничего не говорил? Или профессор приболел?

Комиссарша Шрепп подумала, что Ульрих после бессонной ночи не услышал будильника и наверняка дрыхнет дома, вместо того чтобы давно сидеть на рабочем месте. Спустя час она, внося в доклад кое-какие изменения, распечатала его и отнесла в приемную. Секретарша директора остановила Эльку:

– Господин Брютнер желает с вами переговорить, комиссар!

Эльке пришлось заглянуть к Брютнеру. Шеф сидел, развалившись в кресле, просматривал прессу и попивал кофе с молоком. Увидев Эльку, он грозно спросил:

– Где профессор Кеплерс?

– Я не его жена, – без почтения ответила Элька, – поэтому не знаю.

Брютнер побагровел.

– Это переходит все границы, Шрепп! Кеплерс, никого не известив, не появился на работе! Я так и знал, что рано или поздно он выкинет подобный фортель!

Покинув кабинет директора, Элька попыталась связаться с Ульрихом, но потерпела фиаско: она лишь услышала из трубки протяжные гудки, которые сменялись бодрым голосом профессора, извещавшего при помощи автоответчика, что его нет дома. Неужели Ульрих до такой степени увлекся торфяной мумией, что забыл обо всем на свете? Раньше за ним подобного не наблюдалось. Элька припомнила его взволнованный голос, когда он утром звонил ей: профессор утверждал, что ему стала известна небывалая сенсация.

Когда через час профессор так и не появился на рабочем месте, Элька приняла решение.

– Прикроешь меня, – сказала она Йохану, – если я понадоблюсь Брютнеру. Съезжу к Ульриху и доставлю его в полицейпрезидиум, иначе у него будут большие неприятности.

В трехэтажном доме в Поппенбюттеле, где проживал Кеплерс, Элька долго жала кнопку домофона, но профессор не откликался. Эльке повезло: из подъезда вышла пожилая дама, и, воспользовавшись этим, комиссарша зашла внутрь. Взлетев на последний этаж, она остановилась около серой деревянной двери, рядом с которой на стене красовалась бронзовая табличка: «Prof. Dr. Ulrich Kerp- plers». Бородатый эксперт обитал в апартаментах один.

– Ульрих, открывай! – нажимая кнопку звонка и тарабани в дверь, потеряв терпение, крикнула Элька. А потом начала прикидывать: если он не дома, то где? Все еще с профессором Клостермайером?

Элька набрала номер телефона историка, но компьютерный голос сообщил, что ее не могут соединить с желаемым абонентом. Элька, усевшись на ступеньку, задумалась. В голове

крутилась мысль, что происходящее весьма подозрительно. Она очень хорошо изучила характер Ульриха за годы совместной работы с ним и знала, что профессор Кеплерс не пренебрегает работой: он ни разу не болел и всегда был крайне пунктуален.

Комиссарша снова принялась звонить и стучать, и тут ее внимание привлек коврик около двери. Обыкновенный коврик для вытирания ног – из серого войлока, с изображением трех развеселых лягушек. Элька нагнулась и внимательно изучила странные пятна, покрывавшие его поверхность. Грязь? Или кровь?

Решение созрело мгновенно: в случае улики, указывающих на совершенное преступление, комиссар полиции имеет право проникать в помещение и без ордера на обыск. Элька, вытащив из кобуры, висевшей под легкой курткой, пистолет, нанесла удар ногой по двери в квартиру профессора. После третьего удара та, затрещав, открылась.

Элька прошла по небольшому коридору, заглянула в кухню и не обнаружила ничего подозрительного. Разве что удивил царивший здесь беспорядок – всюду раскиданы кастрюли, ложки, вилки, упаковки с продуктами.

В одной из комнат Элька наткнулась на подлинный хаос – книги вывалены с полок, одежда разбросана. Комиссарша поняла: в квартире кто-то похозяйничал, и отнюдь не профессор. Она осмотрела ванную – та же история: флаконы, предметы гигиены выляются на полу, грязное белье вытряхнуто из соломенной корзины, и даже стиральная машина отодвинута от стены.

– Ульрих! – позвала Элька, прислушиваясь к тишине – профессор мог стать жертвой грабителей и нуждаться в медицинской помощи.

Она подошла к двери кабинета, который одновременно служил профессору спальней, и толкнула створку. Тихо скрипнув, та отворилась, и Элька увидела ужасную картину: под потолком, на крюке от люстры, висел профессор Кеплерс. Комиссарша бросилась к нему и, схватив стул, встала на него, попыталась нащупать пульс. Рука профессора была холодной, а его тело уже выдавало признаки трупного окоченения.

Комиссарша ошеломленно опустилась на пол, стараясь не смотреть на мертвого Ульриха. У него не было причин кончать с собой, причем таким страшным образом!

И тут Элька поняла: профессор вовсе не совершал самоубийства, его убили! Иначе как объяснить бедлам в квартире? Элька вытащила мобильный и позвонила в отдел.

Йохан в сопровождении нескольких экспертов не заставил себя ждать. Элька за это время успела осмотреть квартиру и убедиться в том, что неизвестный или неизвестные буквально перевернули здесь все вверх дном. Она обратила внимание, что исчез ноутбук профессора, зато бумажник с кредитными карточками и ста двадцатью евро лежал на видном месте. Убийца к нему не прикоснулся, значит, в доме побывали вовсе не грабители. Но тогда кто?

Элька спросила у экспертов, принявшихся собирать улики:

– Каково ваше мнение – суицид или убийство?

– Пока окончательный вывод делать рано, – ответил один из криминалистов, – однако веревка слишком короткая, и способ, которым она затянута вокруг горла профессора, вызывает подозрения. Похоже на то, что кто-то на скорую руку пытался инсценировать самоубийство. Да и профессор сопротивлялся, пытался выбраться из петли.

Другой эксперт поднял стул и, с сомнением качая головой, заметил:

– Слишком низкий. Встав на него, невозможно просунуть голову в петлю, она ведь находится у самого потолка.

Элька, стрельнув у Йохана сигарету, спустилась на улицу и закурила. Она завязала с дурной привычкой много лет назад, но смерть профессора Кеплерса выбила ее из колеи. Нет, не смерть, а убийство! Кеплерса намеренно лишили жизни! Но зачем? Профессор был безобиден, как шмель. В то, что он стал жертвой ограбления, Элька ни секунды не верила, все указывало на то, что преступник искал в квартире профессора нечто определенное.

Последним, кто видел профессора живым, был его приятель Вернер Клостермайер. Элька, швырнув сигарету на асфальт и раздавив ее ногой, решила не терять драгоценное время, ведь раскрыть убийство по горячим следам проще всего. Хотя с момента смерти Ульриха прошло уже не менее шести-семи часов, как сообщили ей эксперты... Эх, и ее последний с ним телефонный разговор завершился сумбурно, профессор все твердил про какую-то сенсацию, а уставшая и сонная Элька его не слушала...

Профессор Клостермайер по-прежнему не отвечал на телефонные звонки, поэтому Элька отправилась в его бюро. По дороге она перебирала возможные версии убийства Ульриха. Нападавший явно хотел что-то узнать от профессора, и времени у него было в обрез, иначе бы он обставил «самоубийство» гораздо более тщательно. Скорее всего, убийца понимал: полиция быстро поймет, что имеет дело со спланированным злодеянием. Причина убийства? Ульриху мог отомстить один из бандитов, который угодил за решетку благодаря его показаниям в суде.

Еще издали Элька увидела пожарные машины. Проезд преграждали дорожные полицейские. Бросив свой «Форд-Эскорт» в неполюбованном месте, Элька выскочила из салона, подошла к молодому полицейскому, предъявила удостоверение и спросила:

– Что здесь произошло?

– Пожар в одном из университетских зданий, – ответил тот, пропуская Эльку.

Комиссарша подошла к корпусу, в котором была вчера вместе с Ульрихом и профессором Клостермайером. Вокруг сновали пожарные, с крыши здания поднимался густой сизый дым. Дама средних лет, которая, как выяснилось, была работницей одного из секретариатов, на вопрос Эльки ответила:

– Загорелось бюро профессора Клостермайера. Причем так неожиданно! У профессора был посетитель, и, едва он ушел, все и началось!

– Посетитель? – насторожилась Элька. – Вы сможете описать его внешность?

Дама охотно стала вспоминать:

– Я видела его со спины. Кажется, это был мужчина. Невысокий. Впрочем, может, все-таки высокий... Худой... Ну, не совсем чтобы тощий, но и не полный. Волосы то ли темные, то ли светлые... Не исключено, что он вообще был лысый...

Более бестолковой свидетельницы, чем эта женщина, Элька не встречала. Она не могла даже сказать, когда именно посетитель вышел от профессора!

Пожар удалось локализовать, и Элька узнала, что возгорание произошло практически одновременно в двух местах – в кабинете профессора Клостермайера и в подвальном помещении. Обугленное тело профессора вынесли из здания, Элька мельком взглянула на него. Клостермайер, как и Ульрих Кеплерс, – тут она совершенно не сомневалась – стал жертвой убийства.

Уже в полицейпрезидиуме Элька узнала, что в подвале пострадал только один зал, в котором находилась торфяная мумия. Уже после первичного осмотра эксперты пришли к выводу, что пожар не был случайностью: некто устроил его, щедро полив стены бензином.

Сотрудники отдела по расследованию убийств были в подавленном настроении. Погиб их коллега, причем всеми уважаемый и любимый. До позднего вечера Элька опрашивала соседей Ульриха, но свидетелей, видевших что-либо важное и полезное для следствия, не нашлось. Она вернулась домой далеко за полночь, чувствуя себя отвратительно. В то, что Ульриха больше нет, никак не верилось. Профессор убит, а она, комиссар полиции, пока не в состоянии сказать, кто это сделал.

Уже лежа в кровати, Элька заметила, что автоответчик ее мобильного зарегистрировал голосовое сообщение. Элька решила прослушать его – вдруг в нем содержится что-то, способное пролить свет на смерть Ульриха. Она не ошиблась: комиссарша буквально подскочила (а

Ангела Меркель, снова устроившаяся у нее на коленях, плюхнулась на пол), когда раздался взволнованный голос Ульриха Кеплерса:

– Элька, я должен с тобой немедленно поговорить, так что возьми трубку! Это касается торфяной мумии и того, что мы обнаружили в золотом тубусе. Это не телефонный разговор, поэтому свяжись со мной как можно быстрее. Не думай, что я сошел с ума, но... Извини, кто-то звонит в дверь! Наверняка Вернер! Я свяжусь с тобой в течение часа, пока. И запомни – это перст Божий!

Элька, глотая слезы, не меньше десяти раз прослушала сообщение, можно сказать, с того света. Оно пришло в семнадцать часов пятьдесят семь минут, а эксперты уверены, что смерть Ульриха наступила между шестью и половиной седьмого вечера. Тот, кто позвонил в дверь, человек, которого Кеплерс впустил к себе в квартиру, был не профессор Клостермайер. Это был убийца!

События прошедшего дня выстраивались в четкую схему, в центре которой находилась торфяная мумия. От нее после пожара ничего не осталось, некто, обильно полив ее бензином, уничтожил Антона. А до этого убил Кеплерса и Клостермайера.

Комиссарша Шрепп в очередной раз прокляла себя: если бы она только выслушала Ульриха, все было бы иначе! Ну почему убийце потребовалось уничтожить мумию, а вместе с ней и обоих безобидных ученых?

Ответ был очевиден: он хотел завладеть тем, что хранилось в золотом футляре. Что же такого ценного могло там лежать? Листы какой-то рукописи? Какой? И как убийца мог узнать о находке? Ах да, ведь Клостермайер говорил, что консультировался с коллегами. Убийца – один из его научных конкурентов? Нет, тот, кто без колебаний устранил двух человек и устроил пожар в университете, судя по всему, является профессионалом в подобных вещах.

Элька прошла в кабинет, и первое, что бросилось ей в глаза, было пришедшее по факсу сообщение. Комиссарша, схватив листок, сразу поняла: у нее в руках еще одно послание с того света. Ульрих Кеплерс отправил его в восемнадцать часов одну минуту. Летящим почерком Ульриха посередине листа было выведено: «Перст Божий. Да будет воля твоя!»

Вертя бумагу так и сяк, Элька пыталась сообразить, что же такое означает надпись. Похоже на цитату из Библии. Выйдя в Интернет, комиссарша быстро узнала ответ: фраза содержалась в Нагорной проповеди Иисуса Христа, которую изложил в шестой главе своего Евангелия апостол Матфей.

Итак, Ульрих Кеплерс написал библейскую фразу в то время, когда в его квартире хозяйничал убийца. Всего через несколько мгновений профессор был убит. И наверняка он уже знал, какая участь его ожидает. Улучив момент, он отправил ей сообщение по факсу. И оно должно разоблачить убийцу. Наверняка если бы Ульрих знал имя злодея, то написал бы его. Если он этого не сделал, значит, он не знал, с кем имеет дело. Но для чего неизвестному человеку лишать Ульриха жизни, а затем отправляться в университет, чтобы убить другого профессора, устроить пожар и уничтожить торфяную мумию?

Все неизбежно вело к золотому тубусу с письменами, чудом сохранившемуся в течение семисот лет в болоте. Элька с трудом могла представить себе, чтобы кто-то решился пойти на столь жестокие преступления ради какого-то старинного документа. С другой стороны, если за этим скрывается некая сенсация, как сообщил Ульрих... Но что за сенсация? Каково было содержание документа? Черновой вариант «Божественной комедии» Данте? Путь к сокровищам императора Фридриха Барбароссы? Булла, лишаящая какую-нибудь и поныне правящую династию права на престол? Но как комиссар полиции Элька знала: многие коллекционеры древностей готовы ради раритета продать душу дьяволу, а некоторые из них способны даже на убийство.

Надо же, какое стечение обстоятельств! Если бы тетушка Иоганна умерла на день позже... если бы машины на торфяных разработках попросту перемололи останки... если бы дети не

решили прогуляться на болота и не нашли бы мумию... если бы она не проинформировала Ульриха...

Ранним утром следующего дня Элька прибыла в полицейский президиум, чтобы ознакомиться с отчетами экспертов. Она внимательно изучала сообщение об осмотре места убийства Ульриха, когда на столе у нее зазвонил телефон. Директор Брютнер пролаял в трубку:

– Шрепп, немедленно жду вас у себя!

Элька подивилась тому, что начальство пожаловало спозаранку. Обычно Брютнер бывал в начале одиннадцатого, а сейчас часы показывали половину восьмого.

Директор, сцепив руки в замок на животе, встретил ее тяжелым немигающим взглядом. Не поздоровавшись и не предложив ей сесть, он спросил:

– Шрепп, как продвигается дело по факту смерти Кеплерса?

– Я как раз изучаю отчеты экспертов, – ответила комиссарша. – Господин директор, я должна вам сказать... на мой взгляд, гибель профессора Кеплерса и смерть профессора Клостермайера взаимосвязаны...

– А с чего вы взяли, что между этими двумя убийствами имеется связь? – удивился, ударяя ладонью по столу, Брютнер.

– Это очевидно, – буркнула Элька, – они работали вместе над... одним проектом...

– Вы имеете в виду торфяную мумию? – безразлично заметил директор. – И что из того?

– И Ульрих, и профессор Клостермайер были уверены, что мумия, вернее, некий документ, обнаруженный ими в золотом тубусе, имеет чрезвычайное значение для хода истории, – сказала Элька.

Брютнер хмыкнул:

– Мумия, безусловно, занятный экспонат, но не более того, зарубите это себе на носу, Шрепп.

– Как же объяснить то, что оба профессора были убиты с промежутком всего в несколько часов, а мумия сожжена? – спросила Элька.

Брютнер вперил в подчиненную хищный взгляд и промолвил:

– Шрепп, вы, как всегда, ошибаетесь! У вас слишком богатое воображение! Да, профессор Кеплерс был убит, отрицать это бессмысленно. Но кто вам сказал, что был убит и Вернер Клостермайер?

– Эксперты пришли к выводу, что на него напали, оглушили и оставили умирать в горящем кабинете! – выпалила Элька.

Директор холодно взглянул на нее.

– Я, в отличие от вас, Шрепп, беседовал с экспертами лично, и они не исключают следующее развитие событий: Клостермайер в результате падения ударился затылком, потерял сознание и задохнулся. Чем вас не устраивает такой поворот, Шрепп? Или вам обязательно требуется убийство, причем двойное? Да еще приплетаете к этому некую тайну торфяной мумии! Вот что я вам скажу, Шрепп, – продолжил наглым тоном директор, – я уже говорил с комиссаром Хайкером-Мором. И он согласен с моими выводами!

Еще бы, подумалось Эльке, Йенс Хайкер-Мор никак не может успокоиться, что должность старшего комиссара досталась не ему. Он был верным вассалом директора и ради того, чтобы посрамить Эльку, готов на все.

– Ну надо же! Он согласен! – пробормотала Элька.

– Вы что-то сказали, Шрепп? – рявкнул Брютнер. – Так вот, я уверен, что события развивались следующим образом: Клостермайер, которому в голову ударила слава, решил избавиться от Кеплерса, которого именно вы, Шрепп, вовлекли в свою авантюру с торфяной мумией. Кто знает, что именно они не поделили, возможно, Клостермайер хотел продать пресловутый золотой тубус на черном рынке, а Кеплерс противился этому, или они попросту не смогли договориться о доле, кому какая полагается. Поэтому Клостермайер убил Кеплерса,

инсценировав самоубийство. Судя по тому, что в квартире последнего царит хаос, историк что-то у него искал, возможно украденный тубус или содержавшийся в нем документ. Затем, чтобы отвести от себя подозрения, он решил устроить пожар в университете, в своем бюро, однако в результате несчастного случая сам стал его жертвой. Убийца мертв, дело закрыто! Что скажете, Шрепп?

– Чушь, – коротко прокомментировала версию директора Элька.

Карстен Брютнер, краснея, заявил:

– Я так и знал, что вы не согласитесь с этой единственно верной версией, Шрепп! Известно ли вам, что в бюро Клостермайера найдены остатки веревки, которой был задушен Кеплерс, а также нож, при помощи коего ему были нанесены ранения?

– Их там оставил убийца, пытавшийся лишить жизни Вернера Клостермайера, – сказала Элька.

Тяжело вздохнув, Брютнер спросил:

– А улики у вас имеются, Шрепп?

– Пока нет, но в ближайшее время... – начала Элька, однако директор перебил ее:

– В самое ближайшее время, Шрепп, этим делом займется комиссар Хайкер-Мор. Вы же, Шрепп, отправитесь в отпуск!

– Я не собираюсь... – заговорила Элька, но Карстен Брютнер отрезал:

– Не забываетесь, Шрепп, пока что я – ваш начальник! Понимаю, смерть профессора Кеплерса стала для вас тяжелым ударом. Подумайте о том, что если бы не вы с вашей торфяной мумией, то он был бы сейчас жив.

Кровь бросилась Эльке в голову. Произошло то, что случалось крайне редко, – она потеряла контроль над собой. Комиссарша подскочила к Брютнеру, сшибла с его носа очки и, утробно рыча, начала трясти того за плечи. Вжавшись в спинку кресла, директор выпучил глаза, раскрыл рот и завопил:

– Помогите, она убивает меня!

На его зов в кабинет влетела секретарша. Элька, приступ ярости у которой уже улетучился, отпустила Брютнера. Тот, кашляя, нагнулся за очками и, криво водрузив их на свой длинный нос, прошипел:

– Шрепп, вы окончательно обезумели! Слава богу, что имеются свидетели! С этой секунды вы отстраняетесь от работы. Все дела сдадите комиссару Хайкеру-Мору. Уверяю вас, ваша выходка будет иметь далеко идущие последствия!

Элька, сожалея о том, что на несколько секунд утратила самоконтроль, швырнула на стол Брютнеру удостоверение и табельное оружие.

Поправив галстук, Брютнер произнес:

– Можете быть свободны, Шрепп! Я окончательно убедился в том, что вы – сумасшедшая. Да, да, вы – чрезвычайно опасная личность!

Уже стоя на пороге кабинета, Элька услышала гадкий смешок Карстена Брютнера и его ехидное замечание:

– Шрепп, может, вам наконец-то попробовать с мужчинами? Тогда, глядишь, и не будете такой фрустрированной и агрессивной!

Втянув голову в плечи, Элька сжала кулаки и, закрыв глаза, медленно досчитала до десяти. Критический момент миновал, и желание оторвать Брютнеру голову, не думая о последствиях, прошло.

В течение следующих пятнадцати минут она сдала не скрывающему улыбки комиссару Хайкеру-Мору текущие дела, попрощалась с потерявшим дар речи Йоханом и покинула здание полицейпрезидиума. Но вместо того чтобы отправиться домой, Элька порулила в криминалистическую лабораторию, где работал профессор Кеплерс. Ее встретили как старую подругу. Один из экспертов с сожалением сказал:

– Только что звонил Брютнер, распорядился ни за что не контактировать с тобой и пригрозил каждому, кто нарушит его распоряжение, увольнением. Неужели он отстранил тебя от работы за то, что ты на него напала?

– Правда, – ответила Элька.

Эксперт хлопнул ее по плечу и выдохнул:

– Тебе надо было его пристрелить, наша лаборатория в полном составе была бы на твоей стороне и пришла бы к выводу, что он покончил жизнь самоубийством.

– Что за времена настали! – вступил в разговор другой криминалист. – Ты наверняка хочешь получить последние сведения относительно смерти Ульриха?

Элька помолчала. Она сама была виновата в том, что директор отстранил ее от работы. Она не сможет вести официальное расследование, однако никто не запретит ей заниматься этим в свободное время – благо, что теперь его у бывшей комиссарши было в избытке.

– Имеется что-нибудь новенькое? – спросила наконец Элька.

– У профессора Клостермайера на затылке – большая гематома, – ответил эксперт. – Вероятнее всего, кто-то ударил его по голове. Брютнер спрашивал меня, могло ли получиться так, что профессор заработал гематому при падении, и мне пришлось признать это возможным. А вот что касается Ульриха...

Эксперт поманил за собой Эльку. Она подошла вслед за ним к столу, и мужчина протянул ей прозрачный лист, покрытый странным узором.

– Что это? – спросила Элька.

Эксперт объяснил:

– Отпечаток, обнаруженный на стуле, который лежал под телом Ульриха. Тот, кто инсценировал самоубийство, был вынужден взгромоздиться на стул и таким образом оставил следы.

– Для Ульриха слишком большой, – заявила комиссарша, не раздумывая, – у него был тридцать шестой размер обуви, а это...

– Сорок второй, – пояснил эксперт. – Скорее всего, мужской. Хотя не могу исключить, что он принадлежит и крупной женщине. Отпечаток более чем странный!

Элька вопросительно взглянула на эксперта, и тот пояснил:

– Рисунок подошвы уникальный. И, кстати, он не имеет отношения к обуви профессора Клостермайера, которая была на нем в момент смерти. Правда, у историка тоже сорок второй размер, так что придется признать вероятность того, что, совершив убийство Ульриха, он выбросил ботинки куда-нибудь в канал или мусорный бак, а затем переобулся.

Комиссарша присмотрелась к узору. Эксперт указал в середину отпечатка:

– Здесь изображено нечто, похожее на летящую звезду...

– Комета! – воскликнула Элька, вздрогнув от волнения. Она вспомнила отпечаток, обнаруженный на шее торфяной мумии.

– Ты права, – кивнул эксперт, – звезда, за которой тянется длинный шлейф, и есть комета. И еще здесь надпись! Она превосходно отпечаталась на искусственной коже, из которой изготовлено сиденье стула. Самое удивительное, что это латынь. Я проверил – никто из известных фабрикантов обуви ни в Германии, ни за границей не производит ничего подобного. Вероятнее всего, обувь изготовлена по специальному заказу...

– Так что же это за надпись? – в нетерпении перебила комиссарша.

– Библейская цитата, полукругом расположенная над стилизованным изображением мчащейся по небу кометы, – ответил криминалист. – *Fiat voluntas tua*.

Элька на мгновение замерла. То же изречение, что было на перстне человека, пытавшегося убить Антона семьсот лет назад. Что за наваждение!

– И знаешь, как она переводится? – спросил эксперт. – Я в латыни не особо силен, поэтому посмотрел в Интернете, и он мне выдал...

– «Да будет воля твоя», – выпалила Элька.

Эксперт ошеломленно взглянул на нее:

– Так и есть, «да будет воля твоя». Слова, произнесенные, согласно Евангелию от Матфея, Христом во время Нагорной проповеди.

Вот что означала странная фраза, которую прислал по факсу Ульрих в то время, когда убийца уже находился у него в квартире, – Кеплерс пытался сообщить ей, кто явился по его душу. Тот человек носил туфли сорок второго размера, подошвы которых украшены непонятным гербом и латинским изречением.

– Я, конечно же, сообщу о столь занимательной находке комиссару Хайкеру-Мору, – продолжил эксперт, – но опасаясь, что он не придаст ей должного значения. Ухватится за то, что обувь была сорок второго размера, такого же, как и у Клостермайера, и Брютнер заявит, что это полностью согласуется с его версией.

Получив копию изображения подошвы, Элька приступила к собственному расследованию. И прежде всего, задействовав старинные связи, получила распечатку телефонных номеров, по которым профессор Кеплерс звонил незадолго до смерти, а также тех, с которых звонили ему. А помимо этого, такую же распечатку, но уже на номер профессора Клостермайера.

Выяснилось следующее: Ульриху не меньше дюжины раз звонил Клостермайер, и сам Кеплерс много раз набирал его номер, а также пытался поговорить с комиссаршей. Международный код перед еще одним номером указывал на то, что профессор пытался связаться с кем-то, проживающим за пределами Германии.

Код оказался итальянским, и тот, кому номер принадлежал, обитал в Риме. Телефон был зарегистрирован на имя некоего профессора К. Брамса. Кто такой К. Брамс, Элька не имела ни малейшего понятия. Разговор Кеплерса длился семнадцать секунд – или Брамс не пожелал вести долгую беседу, или Ульрих, быстро сказав ему что-то, повесил трубку, или он нарвался на автоответчик.

Самое удивительное, что по тому же номеру звонил и Вернер Клостермайер, причем четыре раза с промежутками примерно в полтора-два часа. И соединения длились тоже по десять-пятнадцать секунд.

По-итальянски Элька говорила плохо. Когда-то у нее была подруга Паола, продавщица в крупном книжном магазине, чей отец был родом из Венеции, а мать – немкой. Роман с Паолой закончился некрасиво, но за семь месяцев, проведенных вместе, она привила комиссарше вкус к итальянским винам и кое-какой набор разговорной лексики.

Элька набрала римский номер. Неизвестный К. Брамс является важным свидетелем, и он должен дать показания. Но собеседнику вовсе не обязательно знать, что старший комиссар Шрепп находится в данный момент в бессрочном отпуске и ее карьера в криминальной полиции висит на волоске.

После первого же гудка в трубке щелкнуло, и до Эльки донесся нервный мужской голос, говоривший, к ее удивлению, по-немецки с явным швабским акцентом: «Вы соединены с аппаратом, принадлежащим профессору Карлу Брамсу, генеральному директору, президенту и основателю «Международного общества по изучению тайн Туринской плащаницы». В данный момент я не могу ответить на ваш звонок, однако после сигнала вы можете оставить сообщение, и я, если посчитаю нужным, свяжусь с вами».

Заслышав долгий гудок, Элька быстро положила трубку. Голос профессора Карла Брамса и его манера говорить произвели на нее странное впечатление. У комиссарши возникло ощущение, что он чего-то до смерти боится. И к телефону он наверняка никогда не подходит, лишь прослушивает сообщения, оставленные на автоответчике.

Далее отставная комиссарша полезла в Интернет. Просмотрев массу ссылок (сочетание «Карл Брамс» не было оригинальным), Элька наткнулась на кое-что интересное. Это был веб-сайт «Международного общества по изучению тайн Туринской плащаницы». Что такое Туринская плащаница, Элька представляла смутно, однако, к ее радости, на главной странице сайта

имелась историческая справка: якобы в плащаницу, кусок льняного полотна размером 4,36 на 1,1 метра, был завернут по снятии с креста Иисус Христос. На плащанице имелся призрачный отпечаток человека, подвергнутого истязаниям. Католическая церковь утверждала, что это и есть изображение тела сына Божьего.

На сайте имелась и фотография лица, запечатленного на Туринской плащанице. Элька поразились спокойствию и величию человека, который в самом деле очень походил на канонические изображения Иисуса: продолговатое лицо, большие глаза, крупный нос с горбинкой, длинная борода, волнистые, ниспадающие на плечи волосы с прямым пробором.

Профессор Карл Брамс поместил рядом с Иисусом свою собственную фотографию, Элька увидела необычайно тучного человека с тонкими усиками и крошечными глазками. Субъект не вызвал у нее ни капли доверия, он выглядел как аферист и плут.

Профессор Брамс оповещал посетителей своего сайта, что не согласен с выводами радиоуглеродной экспертизы, согласно которой Туринская плащаница была изготовлена в четырнадцатом веке и представляет собой искусную средневековую подделку.

Элька заметила, что «Международное общество по изучению тайн Туринской плащаницы» имело генерального директора, президента и ученого секретаря, которыми был один и тот же человек – сам Карл Брамс. Для всех, заинтересованных в разоблачении козней Ватикана, профессор указывал банковский счет, на который можно переводить пожертвования на исследование, а также римский адрес до востребования и номер телефона, уже знакомый комиссарше.

Удостоверившись, что в Интернете больше нет мало-мальски пригодной информации относительно Карла Брамса, Элька позвонила в Штутгарт (она помнила, что профессор говорил с сильным швабским акцентом, столь характерным для земли Баден-Вюртемберг) и связалась с комиссаром криминальной полиции Аннетой Эрдманн, которую знала не меньше двадцати лет. Аннета пообещала в течение дня прислать ей всю информацию (если таковая, конечно, найдется) по профессору Брамсу.

После этого Элька позвонила в туристическое бюро и заказала билет до Рима на следующий день. Она находится в вынужденном отпуске, поэтому имеет полное право отправиться в итальянскую столицу. И директору Брютнеру вовсе не обязательно знать, что единственная цель ее поездки – встреча с таинственным профессором Карлом Брамсом, который, как она надеялась, поможет ей приблизиться к разгадке убийства Ульриха и Вернера Клостермайера.

Падре Фелиппе Ортега

– Фелиппе, как же я рад тебя видеть! – раздался голос моего единокровного брата.

Я поспешно отложил газету (сознаюсь, мне, католическому священнику, не пристало читать желтую прессу, но...) и поднялся навстречу Антонио.

Брат приблизился ко мне, и я, как и подобает рядовому священнику, возжелал опуститься на колени, чтобы облобызать рубиновый перстень. Вообще-то встреча двух братьев, пускай и сводных, один из которых (Антонио) старше на добрых двадцать лет, не должна начинаться с этой древней процедуры. Но мой брат не кто иной, как его высокопреосвященство кардинал Антонио делла Кьянца, шишка в ватиканской курии, глава папской комиссии по Латинской Америке.

Антонио, в отличие от меня, сделал великолепную карьеру, являлся одним из церковных иерархов, единственным кардиналом нашей родины – республики Коста-Бьянки и, с учетом трагических обстоятельств (кончины святейшего понтифика Адриана VII три дня назад), одним из реальных претендентов на папский престол.

Именно об этом – о возможных преемниках Адриана, называемых по-итальянски коротким и емким словом *parabile*, – и шла речь в газете, которую я не без интереса пролистывал, ожидая, когда же Антонио соизволит принять меня.

Шансы у латиноамериканских кардиналов были очень высоки. Во всяком случае, никто не сомневался, что итальянцы, и так безраздельно правившие католической империей в течение без малого четырехсот шестидесяти лет и потерявшие свое бывшее могущество в тот октябрьский день, когда в далеком 1978 году новым понтификом был избран архиепископ Кракова Кароль Войтыла, окончательно лишились морального права служить кузницей кадров для наместников Иисуса Христа.

Все наблюдатели склонялись к выводу, что после недолгого правления двух европейских пап (пикантно, что они оба, и Бенедикт, и сменивший его Адриан, происходили не из исконно католических стран, а из государств, большая часть населения которых исповедует протестантизм и почитает не римского папу, а горделивого вероотступника и папофоба Мартина Лютера и его последователей) паства ждала давно назревших изменений, воплотить кои в жизнь мог бы понтифик из Южной Америки. В конце концов, едва ли не шестьдесят процентов верных католиков проживали именно на этом континенте.

Подобные изменения, как я подозревал, был готов осуществить мой брат Антонио, при условии, конечно, что грядущий конклав изберет его двести шестьдесят седьмым преемником апостола Петра. Антонио всегда везло, и я склонялся к мысли, что сейчас, накануне своего шестьдесят четвертого дня рождения, он обладает весьма реальным шансом сделаться наследником папы Адриана.

Антонио ласково, но настойчиво удержал меня за локоть и произнес:

– Фелиппе, оставим церемонии! Как прошел перелет?

– Сносно, – ответил я.

Признаюсь, я чрезвычайно боюсь самолетов, как трансатлантических рейсов, так и полетов над континентом – из далекого штата, где я уже в течение семи лет служу приходским священником, в столицу Коста-Бьянки. Как-то мне пришлось стать свидетелем крушения только что стартовавшего самолета, на борту которого находились два кардинала, и я тогда подумал: если бесконечный в своем милосердии Господь не уберет пурпуноносцев от столь ужасной смерти, то стоит ли мне, безродному и неизвестному падре, крошечному винтику в гигантском механизме католической церкви, испытывать судьбу и провоцировать Его.

Но, к сожалению, мне достаточно часто приходится летать как в столицу Коста-Бьянки, так и за пределы нашей банановой республики. Я ненавижу самолеты, содрогаясь от мысли о

возможном крушении, и ничто – ни билет первого класса, оплаченный из церковной казны, ни изысканное меню, выдержанные вина и – о, прости меня, грешника, Иисусе! – длинноногие красавицы-стюардессы не успокаивают мои нервы. Вообще-то католическому священнику следует вверить себя заботам Господа, ибо без его ведома и желания ничего не происходит во Вселенной (во всяком случае, так гласят догматы, повиноваться коим и внушать которые своим прихожанам – моя наипервейшая обязанность), но вера моя не та, что у моих предков, и я следую арабской пословице: «На Аллаха надейся, но верблюда привязывай».

Наверное, именно это – отсутствие в сердце моем пламенеющей, безграничной и сладостно-горькой веры – и привело к тому, что я так и остался, по прошествии двадцати лет после рукоположения в священники, на самой низшей ступени церковной иерархии. Но, сознаюсь, я не особо печалюсь по данному поводу, хотя (не буду лукавить, ибо какой смысл обманывать Господа, если он ведает все наши мысли и желания еще до того, как они зародились в нашем греховном мозгу) иногда задаюсь вопросом: отчего Антонио досталось в жизни все, а мне – ничего?

Мой брат прижал меня к себе и троекратно расцеловал. Должен признать: Антонио выглядел как заправский кардинал и, более того, как мудрый папа. Он походил на изображения понтификов кисти Эль Греко: высокий, статный, худощавый, с бледным породистым лицом, не лишенным красоты, с орлиным носом и белоснежной шапкой густых волос. Сегодня на нем было не парадное кардинальское облачение, то есть пурпурный шелк, а черная шерстяная сутана. Антонио уделял повышенное внимание своему здоровью и, не забывая, конечно, о молитвах, по несколько часов в день проводил в тренажерном зале и бассейне. Он напоминал мне стареющего голливудского актера, одного из первой десятки, того самого, что раньше блистал в ролях Джеймса Бонда и прочих суперменов, спасающих Землю то от нашествия «зеленых человечков», то от злобных террористов, желающих уморить человечество смертельным вирусом.

Как-то в порыве откровенности Антонио признался мне, что мечтает о папской тиаре. И я не вижу здесь ничего зазорного, ибо, во-первых, такие мысли, хотя бы и подспудно, наверняка терзают всех кардиналов и большую часть епископов и архиепископов, желающих стать кардиналами, а во-вторых, даже я, мелкая сошка, задумываюсь время от времени, что достойно представлял бы католическую церковь, заняв апартаменты на третьем этаже Апостолического дворца¹. Воистину, тщеславие – самый страшный грех, гораздо более весомый, чем сребролюбие и сладострастие, ибо эротические и финансовые аппетиты не так уж сложно насытить, а вот заглушить тонкий голосок диавола, постоянно нашептывающий, что ты не только не хуже других, но и гораздо (гораздо!) лучше, нельзя ни при помощи молитв, ни посредством поста, ни чтением священных текстов.

Антонио, невзирая на трагические события последних дней – кончину папы Адриана, – был в отличном расположении духа и излучал саму доброту и кротость. Но мне ли не знать, что мой сводный брат в действительности не такой, каким его представляет мирская пресса. Антонио охотно дает интервью, встречается с журналистской братией, которая его обожает, и позирует для фотографий, с великой тщательностью выбирая позы и жесты. Для всего мира кардинал Антонио делла Кьянца – добродушный, симпатичный старикан, свято чтящий заветы Христа, но не мракобес, а представитель умеренно-либерального крыла католической церкви.

Справедливости ради надо признать, что Антонио очень хорошо играет свою роль, недаром, видимо, он несколько лет назад, когда из рук дряхлого Иоанна Павла получил кардинальский берет, нанял себе за собственный счет представителя маркетинговой фирмы и преподавателя театрального мастерства, которые принялись лепить его сусальный образ.

¹ Место проживания папы римского. – Прим. авт.

Если спросить ватиканских служащих – священников, секретарей, гвардейцев, – они, конечно, помнутся немного, но не будут скрывать, что Антонио ведет себя с ними совсем по-другому, нежели с репортерами, светскими политиками, главами государств и представителями дипломатических миссий. Мой единокровный брат очень часто повышает голос, выражая свой гнев и нетерпение, умеет оскорбить человека саркастическим замечанием и не прощает обид.

Зато со своими собратьями-кардиналами Антонио чрезвычайно любезен, всегда готов оказать услугу и закрыть глаза на мелкие (и даже крупные) прегрешения. Он отлично знает: путь к папскому трону ведет через конклав, в котором будут заседать те, с кем он общается. И там они смогут выместить свою злобу и отплатить ему за чванливое поведение тем, что напишут в бюллетене для тайного голосования не его фамилию, а имя конкурента. Антонио, прозорливый стратег и тонкий дипломат, сдерживает свой холерический темперамент и старается не конфликтовать с кардиналами, даже самыми незначительными и малоизвестными, памятуя, что без их лояльного поведения и поддержки он так и останется папабиле – кандидатом в папы, но не сумеет стать понтификом.

Критически взглянув на меня, Антонио изрек:

– А ты выглядишь не самым лучшим образом. Перелет через океан, вижу, утомил тебя все-таки.

– У меня было много дел в Коста-Бьянке, да и потом планировались поездки в Америку и Новую Зеландию... – начал я.

Мой брат-кардинал пребывает в непоколебимой уверенности, что мы, приходские священники, конечно же, лентяи и дурачки, бьющие день-деньской баклуши. Если бы он знал, что это не так! Специфическая деятельность не оставляет мне свободной минутки ни днем, ни ночью, но Антонио думает, что только такой сановный кардинал, как он, обладает правом вершить судьбы католического мира.

– Ах, твоя миссионерская деятельность... – произнес Антонио несколько презрительно. Он взмахнул рукой, и нестерпимым огнем блеснул его рубиновый перстень, полученный от папы в качестве памятного подарка при возведении в кардинальское достоинство.

Антонио красноречиво посмотрел на постное лицо молодого священника, своего секретаря, делавшего вид, что сосредоточенно работает на компьютере, и указал мне на распахнутую дверь своего кабинета. Затем строго сказал секретарю:

– Меня ни при каких обстоятельствах не беспокоить!

Я прошел в кабинет Антонио и поразился обстановке: голые белые стены, огромный резной стол из черного дерева, на стене над ним – гигантское металлическое распятие, а рядом – фотопортрет покойного папы Адриана. Пять больших окон, прикрытых бархатными шторами, шкафы, заставленные книгами. Никакой роскоши, ведь посетители (в особенности журналисты) должны знать: глава папской комиссии по Латинской Америке заботится не об антураже, а только о реальных делах.

Антонио кивнул на кресло подле своего стола и, постучав костяшками пальцев по столешнице, не без гордости заметил:

– Говорят, он какое-то время находился в кабинете Пия Десятого! Хочешь кофе?

Резкий переход от упоминания понтифика, единственного из пап последних столетий причисленного к лику святых, к прозаическим мелочам был характерен для Антонио. Услышав мой положительный ответ, Антонио нажал кнопку селекторной связи и надменно произнес:

– Чашку черного кофе, немедленно!

– Неужели ты откажешься тоже насладиться этим божественным напитком? – спросил я удивленно, ведь страсть Антонио к кофе была мне хорошо известна.

Мой брат загадочно произнес:

– Именно поэтому я и просил тебя приехать в Ватикан! Мне нужна твоя помощь!

Ну что же, когда я получил телеграмму из секретариата папской комиссии по Латинской Америке, в которой сообщалось, что его высокопреосвященство кардинал делла Кьянца в срочном порядке ожидает меня у себя (направить телеграмму от первого лица Антонио в голову не пришло, как, впрочем, и позвонить), я так и понял, что моему брату требуется помощь. Иначе бы зачем он обратился к рядовому падре из южноамериканской глуши!

Мои отношения с Антонио никогда не были безоблачными. Его (впрочем, и мой!) отец, богатый фабрикант Энрико делла Кьянца, чьи предки, бедные итальянские иммигранты, искавшие лучшей доли, в середине девятнадцатого века прибыли в Коста-Бьянку из Пизы, был любвеобильным человеком. Моя матушка работала в эльпараисском особняке семейства делла Кьянца горничной и была страсть как хороша. Энрико, у которого имелись законная супруга, почтенная сеньора, старше его на несколько лет, обладательница на редкость волосатых ног и покорного характера, а также с полдюжины законных отпрысков, старшим из которых был Антонио, завел с моей матушкой интрижку, и, согласно домашнему преданию, я был греховно зачат в кладовой.

Когда девять месяцев спустя матушка разродилась мной, она уже не работала в особняке. Сеньора, узрев ее увеличивающийся живот, быстро поняла, в чем дело (до нее доходили слухи), и, пользуясь тем, что ее муж находился за границей в деловой поездке, дала моей матушке расчет.

В те времена, сорок шесть лет назад, Коста-Бьянка была доброй католической страной, в которой появление на свет у молодой незамужней девицы ребенка было вопиющим нарушением всех мыслимых правил и, что еще хуже, грехом, не подлежащим отпущению.

Я родился в бедняцкой лачуге, моя матушка несколько дней и ночей находилась между жизнью и смертью. Церковь, та самая церковь, которой я теперь служу, в лице одного прелата-фарисея отказала несчастной молодой женщине в помещении на лечение в монастырский госпиталь, где ее могли бы выходить. Как заявил сей ханжа, каждый должен нести справедливое наказание за свой грех. И этим грехом был я.

Кто-то из родственников обратился к сеньоре делла Кьянца, взывая к ее милосердию и прося оплатить пребывание моей родительницы в больнице, но она была непреклонна. Так в возрасте четырех дней от роду я сделался сиротой. Меня взяли на воспитание дальние родственники, которые, впрочем, через несколько лет отказались от такой обузы и продали меня индейцам, кочевавшим по стране с бродячим цирком. Там я постиг разнообразные науки, начиная от выступления на манеже и заканчивая побирушеством и воровством, ибо мои приемные родители не брезговали промышлять и этим.

Пути Господни неисповедимы, и кто бы знал, что спустя годы я приму сан и взойду на амвон. Я отчаянно любил своих индейских родителей, мы были одной большой дружной семьей. Цирковую труппу (я, помнится, имел большой успех, когда балансировал с шестом на канате, натянутом над манежем, или лихо скакал на лошади) разогнала полиция, которой жители одного из городков пожаловались, что с нашим там появлением значительно увеличилось число краж. Но нас это не смутило, и через день мы снова были вместе. Тогда за дело взялись горожане: мужчины, к которым примкнули женщины и подростки, под предводительством местного священника глухой ночью напали на нас, спящих, заблокировали выходы из фургонов и подожгли их. Я помню дикие вопли, запах паленого мяса, мольбы о пощаде. Но горожан и их предводителя в рясе это не проняло. Тех, кто выбирался из окон фургонов, спасаясь от пламени и едкого дыма, добивали лопатами, мачете и просто руками, причем все — от мала до велика.

Несчастливого семилетнего мальчика (неужто я был когда-то таким?) спасло то, что у меня была молочно-белая кожа и я выделялся на фоне смуглых индейцев. Кто-то из горожан, увидев

меня, решил, что я – жертва «иродов», похищенная из родительского дома, и в самый последний момент отвел лезвие, направленное мне в грудь.

Местный священник, тот самый, что воспламенял горожан своими неистовыми речами и настраивал их на убийство циркачей, уверяя, что подобное никак не может считаться грехом, приютил меня на время. А через несколько месяцев я попал в католический интернат для юношей, расположенный в столице. Судьбе было угодно, чтобы однажды интернат навестила с визитом делегация именитых горожан, в число которых входил и мой отец, Энрико делла Кьянца (Я с самого детства знал историю своего появления на свет и имя того человека, который соблазнил мою несчастную матушку и подарил мне жизнь, а ей – смерть.)

Когда я увидел перед собой высокого, богато одетого господина в темном костюме и с тростью с платиновым набалдашником и услышал, как директор интерната величает его «сеньором делла Кьянца», я не сдержался и, против всех правил устава, покинул внутренний двор, где проходил смотр горожанами сирот, воспитываемых католической церковью.

Меня нашли. Директор был вне себя от ярости и приказал всыпать мне сорок ударов палкой по спине – телесные наказания были в интернате в почете. Еще бы, ведь я опозорил его, а тем самым и церковь перед лицом важных посетителей! Сек меня падре, и на экзекуции присутствовали гости, в том числе и мой отец. Я, еле сдерживая слезы и крики, безропотно сносил размашистые удары тяжелой палки из тика, но сорока ударов было чересчур много для девятилетнего мальчика, и на семнадцатом ударе я потерял сознание.

Что произошло далее, известно мне по рассказам моих сотоварищей. Священник не прерывал наказания, а завершил его только тогда, когда палка в сороковой раз опустилась мне на спину. Затем меня передали на попечение интернатского врача. Он констатировал, что я впал в беспамятство. Поднялась температура, я бредил. Два или три дня я находился между жизнью и смертью, урывками приходя в себя и открывая глаза. Мне казалось, что я снова нахожусь в цирке, как будто ничего не произошло, калейдоскоп лиц вертелся в моем воспаленном сознании, и центральным в нем был лик сеньора делла Кьянца. Сознательно я бы никогда не проговорился и не обратился бы к отцу, однако под воздействием лихорадки я постоянно выкрикивал его имя и в бреду несвязно рассказывал историю своего появления на свет.

Когда лихорадка прошла и жар спал, я обнаружил, что подле меня находится тот человек, которого я любил и ненавидел одновременно, – мой отец. Только под угрозой нового, гораздо более сурового наказания директору и священнику удалось вытянуть из меня правду, и сеньор делла Кьянца соизволил припомнить мимолетную интрижку с моей матушкой (однако назвать ее имя он был решительно не в состоянии!).

Батюшка проявил благородство и щедрость, коих я в нем не предполагал. Он регулярно навещал меня в интернате, каждый раз расспрашивая о тех приключениях и невзгодах, что выпали на мою участь. А через пару месяцев он пожаловал в интернат вместе со своим адвокатом, который известил, что сеньор делла Кьянца желает взять меня на воспитание к себе в дом. Я и представить себе не мог, что мои мечты сбудутся и я обрету семью.

Впрочем, этот филантропический эксперимент быстро завершился. Супруга моего отца, та самая, что выставила за дверь беременную матушку, возненавидела меня с первой секунды и обращалась со мной, как с нахлебником. А однажды сеньора делла Кьянца, заявив, что у нее исчезли чрезвычайно ценные изумрудные серьги, вызвала полицию и приказала обыскать мою комнату. Излишне говорить, что украшения, завернутые в тряпицу, отыскивались в одном из моих башмаков. И напрасно я уверял полицию, что не прикасался к серьгам (тогда я еще думал, что произошло ужасное недоразумение – кто-то другой, похитив драгоценности, воспользовался моей обувью как тайником).

Меня отправили в особый интернат для детей-преступников. Только там, размышляя на досуге, я пришел к выводу, что сеньора намеренно подложила мне серьги, чтобы выжить меня из дома. Я пытался связаться с отцом и сообщить ему это, но каждый раз, когда дворецкий

слышал в телефонной трубке мой голос, он тотчас отключался. Позднее я узнал, что таков был приказ сеньоры.

В возрасте шестнадцати лет я покинул интернат, годы в котором закалили мой характер.

Некоторое время я перебивался случайными заработками, затем мне удалось найти место мальчика на побегушках в большой автомастерской, в которой я обучился многим премудростям и к девятнадцати годам занял место одного из младших механиков. Я был доволен жизнью, у меня появилась возлюбленная, с которой мы планировали пожениться и завести с полдюжины детишек.

Надо же было тому случиться, чтобы как-то в мастерскую доставили на ремонт «Мерседес-Бенц», принадлежащий семейству делла Кьянца. Я давно оставил попытки связаться с отцом, осознав, что он никогда подлинно не интересовался моей судьбой и взял к себе в дом, поддавшись порыву, как некоторые берут с улицы жалкого пищашего котенка, чтобы через пару дней, устав от его мяуканья и проклиная собственное милосердие, снова выкинуть его.

Воспоминания всколыхнулись во мне с прежней силой, однако я принял решение – никаких контактов с семейством моего отца. У меня была иная фамилия, полученная в католическом интернате, и ничто не связывало Фелиппе Ортега с благородным родом делла Кьянца. Но я начал собирать вырезки из газет, в которых сообщалось о моем отце и единокровных братьях с сестрами. Так я узнал, что Антонио, которому вообще-то следовало стать наследником большей части миллионного состояния и возглавить семейные предприятия, сделался священником и к тому времени был самым молодым епископом Коста-Бьянки.

Мой отец скончался от внезапного инфаркта на приеме в президентском дворце. Газеты вышли с длинными некрологами, в которых перечислялись его заслуги перед Отчизной, по большей части выдуманные, упоминались имена его горевавших детей – обо мне, разумеется, там не нашлось ни строчки.

Мы с Ритой поженились, и через три месяца она заявила, что ожидает ребенка. Я был на седьмом небе от счастья, и все горести, казалось, исчезли из нашей жизни. О, как же я ошибался! Господь послал мне, как Иову, возгордившемуся собственным благополучием, тяжелые испытания.

Как сейчас помню тот невыносимо жаркий вечер, он накрепко врезался мне в память. Рита, находившаяся тогда на шестом месяце, продолжала работать, поскольку я хоть и стал старшим механиком, но зарабатывал немного. А нам был важен каждый реал, ведь оставались считанные недели до появления на свет нашего первенца.

И вот моя жена отправилась на работу в ресторан, расположенный в нескольких кварталах от квартирки, что мы снимали, я стал менять колесо одной из машин в гараже. Вскоре хозяин мастерской, на лице которого застыла странная мина, смущаясь и отводя взгляд, подошел ко мне и сообщил, что с Ритой произошло несчастье.

Быстрее, чем в тот знойный вечер, я никогда не бегал. Я добрался до больницы через двадцать минут. Меня допустили к Рите, она лежала в реанимационном отделении. Врачи сделали все, что смогли, но спасти мою жену и нашего ребенка не удалось.

Полиция сообщила мне, что Риту сбил лихач, игнорировавший правила дорожного движения. Немногочисленные свидетели заявили, что это была дорогая гоночная машина красного цвета. Субъект, находившийся за рулем, даже не остановился после того, как сбил Риту, а, увеличив скорость, скрылся в неизвестном направлении.

Мне как механику, знавшему все салоны по ремонту автомобилей в столице и ее окрестностях, не составило труда навести справки и обнаружить в одной захолустной мастерской автомобиль, описание которого совпадало с описанием машины, сбившей мою жену. Я осмотрел этот «Порше» и обнаружил помимо вмятин на капоте разбитую фару, осколки которой очень походили на те, что нашла полиция на месте происшествия. Обнаружил я и затертые

пятна крови, и длинный черный волос, прилипший к днищу, который – я мог поклясться! – был волосом с головы моей Риты.

Потрясение мое было огромным, когда я узнал, на чье имя зарегистрирован «Порше». Его хозяином был Грегор делла Кьянца, двадцатитрехлетний оболтус, младший сынок моего отца и, таким образом, мой брат. Этот самый Грегор, плейбой и ловелас, получив по завещанию отца изрядное состояние, прожигал жизнь и предавался всевозможным развлечениям, интересуясь только одним – удовлетворением своих низменных желаний.

Я немедленно обратился в полицию, которая была вынуждена отреагировать на мое заявление и, обнаружив автомобиль, взять под стражу Грегора. В столице разразился небывалый скандал – еще бы, ведь перед судом должен был предстать отпрыск одного из благородных и богатых семейств!

Сеньора делла Кьянца наняла сыну лучшего адвоката по уголовным делам. А меня посетил его преподобие архиепископ Антонио делла Кьянца. Он пытался увещевать меня и обещал выплатить десять тысяч реалов в обмен на то, если я публично заявлю, что ошибся. Я ответил, что его и мой брат должны ответить по закону.

Процесс, на который я возлагал столько надежд, оказался фарсом. Я думал, что стоит мне рассказать обо всем суду и присяжным, как будет вынесен обвинительный приговор и Грегор отправится на долгие годы в тюрьму. Однако ловкий законник, нанятый семейством, первым делом потребовал изъятия из дела улики, обнаруженных мной на «Порше». Полиция, как затем выяснилось, неправильно оформила бумаги – затребовала ордер на обыск постфактум, то есть после того, как машина была осмотрена полицейскими. Это означало, что доказательства добыты незаконным с точки зрения права путем и суд не должен был учитывать их.

Обвинение рушилось на моих глазах. Сеньора делла Кьянца под присягой подтвердила, что в тот вечер, когда ее Грегор сбил Риту, он неотлучно находился в их столичном особняке. Слово богатой пожилой дамы было против моего.

Но адвокат на этом не остановился. Он выкопал старую историю о том, что покойный сеньор делла Кьянца был моим отцом, вывернул ее наизнанку, представив мою матушку и меня самого мошенниками и аферистами, припомнил обвинение в краже изумрудных серег и мое пребывание в тюремном интернате, причем подал информацию так искусно, что после перекрестного допроса, длившегося почти полтора часа, ни у судьи, ни у присяжных не оставалось ни тени сомнения: подлинный преступник не Грегор, а я, очернивший благородное семейство с единственной целью – заработать как можно больше денег. Под конец адвокат намекнул, что Риту мог сбить или я сам, или кто-то из моих дружков-головорезов. Тут уж чаша моего терпения переполнилась. Я бросился с кулаками на адвоката и до того, как меня скрутили судебные приставы, успел порядком расквасить его лошечку физиономии.

Я снова предстал перед судом – в качестве обвиняемого. Мне вменялись в вину нападение на адвоката и неуважение к закону. Я отправился на полгода в тюрьму и был вынужден выплатить большой штраф. А Грегор... Присяжные, посоветовавшись неполных пять минут, вынесли вердикт: «Невиновен».

В тюрьме я вел внутренние монологи с Богом, задавая несчетное количество раз на дню один и тот же вопрос: «Если ты всемогущ, то почему допускаешь подобное?» Я был на грани отчаяния и подумывал о самоубийстве, ибо не видел смысла в дальнейшем существовании. Но за неделю до освобождения, когда я уже твердо решил, что навещу Риту и нашего сыночка на кладбище, вдрызг напьюсь, а затем брошусь с железнодорожного моста головой вниз, на рельсы, мне был знак свыше.

В газете я обнаружил статью о том, что Грегор делла Кьянца погиб в автомобильной катастрофе. Я, как гурман, смаковал каждую ужасную подробность: молодой человек, в крови которого обнаружили огромную дозу кокаина, врезался на полной скорости на своем новеньком «Ягуаре», подаренном ему матушкой взамен смертоносного «Порше», в бензоколонку. В

результате мощного взрыва от Грегора осталось только пара головешек. Самое удивительное, что несчастный случай, приключившийся ранним вечером, унес жизнь только одного Грегора – никто более не пострадал!

То и был *знак*! Я понял, что Господь, чьи мельницы, как известно, мелют медленно, но верно, излил свой гнев на голову грешника. Прозрение снизошло на меня: высшие силы наказали убийцу моей жены и сына. И Бог не допустил, чтобы вместе с ним умерли и другие, безвинные, иначе чем объяснить, что взрыв бензоколонки убил только Грегора.

Мое отношение к религии было до той поры сложным. Ведь так уж получалось, что именно священники, те самые люди, которые кладут свою жизнь на алтарь служения Господу, оказывали влияние, как позитивное, так и негативное, на мое существование. Только в тюрьме я понял, что с самого рождения Господь посылал мне знаки, которые я, слепец, не мог разглядеть. И даже смерть Риты и нашего сыночка была именно таким знаком, ведь только узрев божественный свет истины, я встал на верный путь.

По выходу из тюрьмы вместо того, чтобы привести в исполнение свой жуткий план суицида, я обратился к священнику одной из столичных церквей и признался ему, что вижу свое призвание в служении Господу.

Принять сан было не так-то легко, и мне пришлось приложить усилия, усмирять плоть и дух, решительно отказаться от прежней жизни и открыть свое сердце для всеобъемлющей любви. Последнее было тяжелее всего. Ведь, следуя заветам Господа, я должен был возлюбить своего врага (Грегора!) так же, как и самое себя. Ибо, как учит церковь, мы должны следовать примеру Иисуса, безропотно отдавшего себя врагам веры и принявшего мученическую смерть на кресте, а через три дня воскресшего.

Спустя четыре года, после обучения в католической семинарии, я принял сан. Моим начальником стал монсеньор Антонио делла Кьянца, к тому времени уже архиепископ Эльпараисский. Я несколько раз встречался с его преосвященством и заверил его, что злоба, которой исходило мое сердце раньше, прошла.

Антонио, как я заметил, был, с одной стороны, рад моему решению, с другой же – сконфужен. Он ведь когда-то предлагал мне деньги, оценив жизнь моей Риты и неродившегося малыша в десять тысяч. Словно замаливая этот грех, он пытался покровительствовать мне.

Я, в отличие от моего брата Антонио, никогда не стремился к власти, поэтому мне не составило ни малейшего труда отвергнуть его заманчивые предложения, приняв которые, я бы вместе с ним мог вознестись к вершинам церковной власти. Я просил его об одном – направить меня в провинциальный приход, считающийся проблемным, лучше всего в бедной местности. Одни, как Антонио, рождены, чтобы повелевать, другие, как я, чтобы служить, – вот что я думал тогда.

Мой брат не без сожаления выполнил мою просьбу, заметив, что я мог бы стать его личным секретарем. Но я оставался тверд и вскоре после того, как Антонио отправился в Ватикан, на автобусе поехал в далекий штат на юге республики. В пути меня застала небывалая весть: сеньора делла Кьянца, матушка Антонио, которой было за семьдесят, стала жертвой разбойного нападения – бандиты, вломившись ночью в особняк, похитили деньги и драгоценности, а ее саму, желавшую поднять тревогу, убили.

К тому времени я уже был в мире с призраками прошлого и, оказавшись в своем новом приходе, первым делом отслужил заупокойную мессу по сеньоре делла Кьянца. Мне было невыносимо жаль Антонио, который был вынужден вернуться на похороны матери, однако, сознаюсь, я не мог отделаться от мысли, что Господь снова проявил свое великомудрие и призвал к себе, хотя бы и таким жестоким образом, старую женщину, на чьей совести было немало грехов.

Работа в приходе увлекла меня, но тайное беспокойство не давало мне покоя. Я ощущал, что не даю страждущим всего того, что им требуется. Да и было ли мне по плечу столь неподъемное задание? Мои прихожане, бедняки, в основном негры и мулаты, видели во мне святого, я был готов помочь им советом и делом двадцать четыре часа в сутки, и они знали, что в любой момент могут прийти в церковь, где найдут утешение. Сомнения терзали мое сердце, и я чувствовал, что еще немного, и я потеряю веру.

Но Господь, как всегда, бесконечно изобретательный, послал мне новый знак.

Я, после долгих раздумий, выложил на исповеди все, что меня угнетало, и просил дать мне отпущение грехов и новые силы, дабы я мог продолжить свою деятельность. Тот мудрый брат, что развеял мои смехотворные сомнения, был местным епископом, очень уважаемым и благородным человеком. Выслушав мои признания, он по завершении исповеди сказал:

– Вижу, что ты мечешься между верой и безверием, все еще спрашиваешь, как Господь может допускать, что бедные и слабые страдают и умирают, а богатые и сильные наслаждаются жизнью. Ты должен знать, что Господь любит всех одинаково, однако он воздает каждому по заслугам: и праведникам, и грешникам. Ты в слезах спрашиваешь меня, что Господь может сделать для тебя. Но спросил ли ты, что сам сделал для Господа? Ты должен не роптать и отчаиваться, а помогать величавому шествию справедливости по миру! Я вижу, что твое сердце открыто для этого, а душа готова, поэтому ты должен только начать!

Слова святого человека открыли мне глаза. Он помог мне обрести себя и очертил передо мной круг новых задач, выполняя которые я смогу дарить страждущим счастье, любовь и справедливость. До сих пор я был так эгоистичен в своих стремлениях, что не замечал страданий ни в своем приходе, ни в других местах. И вот начались мои скитания и испытания. Несколько лет я провел за границей, где путешествовал по самым страшным местам нашей планеты, помогая прокаженным в бедняцких кварталах Калькутты, голодным – в нищих африканских странах, а позднее отчаявшимся и потерявшим веру – в бывших государствах коммунистического блока.

Но неизменно я возвращался в провинциальный приход, потому что и помыслить не мог нового существования без своих подопечных. Да, мой ментор был совершенно прав: Господь безмерно добр ко всем нам, надо только помочь его милосердию найти путь к зачерствелым, но, в сущности, младенчески-наивным душам мирян...

– Тебе требуется моя помощь, Антонио? – спросил я сейчас, стоя в кабинете кардинала делла Кьянца.

В дверь постучали, Антонио нетерпеливо воскликнул:

– Ну что еще такое!

– Ваше высокопреосвященство, кофе для вашего гостя, – произнес секретарь в сутане, появляясь в кабинете с серебряным подносом.

Я поблагодарил падре (Антонио не произнес ни слова) и, отхлебнув кофе, признался:

– Чудеснейший напиток, Антонио! Если бы я все же решился принять твое предложение и перешел на работу в курию, то ради одного только – ради кофе!

Антонио, выждав, когда секретарь уйдет, подошел к двери и, склонившись, посмотрел в замочную скважину. Меня это рассмешило – мой брат-кардинал (а кто знает, может быть, даже будущий папа) проверяет, не подслушивает ли его собственный секретарь!

– Осторожность никогда не помешает, – объяснил свои действия Антонио. – Запомни первое правило: в Ватикане никому доверять нельзя!

– Ну если так говоришь ты... – Я не сдержал улыбки и снова отхлебнул кофе.

Тут мне подумалось, что десятки тысяч безымянных рабочих в Африке и Южной Америке гнут спину под палящим солнцем, чтобы собрать урожай зерен, из которых производится эта амброзия, и получают за свой труд жалкие гроши. Мне ли не знать, что прибыль с продажи кофе оседает в карманах перекупщиков и у крупных транснациональных пищевых компаний, которые используют бедняков, как рабов, ради того, чтобы доставить в богатые страны

Европы, Северной Америки и Ближнего Востока тонны кофейных зерен. Рабочие собирают их, чтобы как-то прокормить семьи, а мы, поощряя столь несправедливую систему, предаемся греховному чревоугодию.

Я поставил чашку на поднос и поклялся, что больше никогда не прикоснусь к кофе. Впрочем, силы воли у меня нет, и через минуту я снова схватил чашку и отпил чудесного напитка.

Антонио, превратно истолковав мой жест (он ведь и понятия не имел о мучительной борьбе, имевшей место в моей душе), вдруг явно испуганно спросил:

– Ты уже обо всем знаешь?

Я решил не сообщать Антонио, что мне ничего не известно, и ответил уклончиво:

– Как тебе известно, брат, слухами земля полнится!

Антонио потер белые ладони друг о друга и воскликнул:

– Ты должен разобраться во всей этой криминальной истории!

– Расскажи мне все более подробно, – попросил я, чувствуя, что у меня просыпается интерес. – Мне не известны детали этой... истории, а ты ведь наверняка в курсе!

– Еще бы, мне ли не быть в курсе! – фыркнул Антонио и, прошествовав к столу, опустился в большое вращающееся кресло, над которым висели распятие и фотопортрет папы. Повернувшись, указал на изображение покойного Адриана и добавил: – И не сомневаюсь, что она каким-то непостижимым образом связана со смертью святого отца.

Смерть Адриана Седьмого повергла меня в шок, как, впрочем, и всех других верных католиков. В особенности меня заинтересовало то, что папа в день кончины пришел в себя после многомесячной комы.

– Мне известно, Фелиппе, чем ты занимаешься, прикрываясь своими постоянными миссионерскими поездками! – вдруг заявил Антонио.

Я поперхнулся кофе и, едва не выпустив из пальцев чашку, закашлялся. Антонио, подбежав ко мне, энергично застучал по спине ладонью. Отдышавшись и смахнув слезу, я прошептал:

– Ты спас мне жизнь!

– О, не стоит благодарности! – усмехнулся Антонио. – Но взамен я попрошу сухую безделицу – спасти мою жизнь.

Я решительно ничего не понимал. Антонио, пройдясь по кабинету, остановился около одного из окон и сказал:

– По официальной версии, Фелиппе, ты занимаешься миссионерской работой, что соответствует действительности лишь отчасти. На самом же деле ты, как и еще несколько священников, путешествуя по миру, всегда оказываешься в тех местах, где происходит что-то из ряда вон выходящее, грозящее скандалом нашей церкви и нанесением урона репутации Ватикана. Одним словом, ты – церковный следователь.

Я шумно вздохнул, а Антонио опять самодовольно усмехнулся:

– Или ты думал, что я, куриальный кардинал, не докопаюсь до твоей тайны? Кстати, правило второе: в Ватикане нельзя долго сохранить тайну!

Антонио был прав: в сферу моей деятельности помимо заботы о зарубежной пастве и помощи несчастным входило вести негласное расследование опасных для Ватикана дел. Католическая церковь никогда не была образцом святости: мне, священнику, тяжело признавать это, но отрицать очевидное бессмысленно. Но если раньше на причастность Святого престола к разного рода махинациям и скандалам смотрели снисходительно, то теперь, в эпоху глобализации, требуется иной подход. Не проходит и недели, чтобы где-то не всплыла информация, что некий католический священник развращает подростков. И если бы только подобная информация! Мне ведомы кое-какие тайны, которые, стань они известны широкой публике, вызвали бы шквал протестов и череду судебных исков против церкви.

Тот епископ, что снял с моей души камень сомнения, и предложил мне стать своего рода следователем при католической церкви. В мои обязанности входило проводить собственные расследования наиболее вопиющих дел, находить виновных и выгораживать католическую церковь. Занятие для священника не из достойных, прямо скажем, однако сейчас, когда католическая церковь переживает самый глубокий кризис за две тысячи лет, по-другому нельзя. Раньше чем-то подобным занималась священная инквизиция, однако я – не беспощадный фанатик с горящими глазами, а всепрощающий провинциальный *monsieur*, который как-то пытается сохранить репутацию фирмы, в которой работает...

– Поэтому, мой дорогой брат, ты и должен использовать свою смекалку и полномочия, дабы... дабы обезопасить мою жизнь! – прервал мои размышления неожиданным заявлением Антонио. – Меня пытались отравить!

Я снова закашлялся, но на сей раз Антонио не пришлось прибегать мне на помощь.

– Ты не шутишь? – спросил я осторожно.

Антонио холодно взглянул на меня.

– Конечно же нет, Фелиппе! Я бы никогда не стал шутить подобными вещами. Это случилось позавчера, через день после того, как скончался наш любимейший святой отец. Мой секретарь подал кофе, вкус которого показался мне необычным, очень уж горький. Мне повезло – я сделал только один или два глотка, а мой тогдашний секретарь, увы, опорожнил кофейник полностью. И скончался в страшных мучениях у меня на глазах.

– А как же тот падре, коего я видел в приемной... – произнес я.

Антонио пояснил:

– У меня, главы папской комиссии, имеется два секретаря. Вернее, имелось, ибо один был отравлен. Но на его месте должен был оказаться я, Фелиппе!

Теперь я понял, почему Антонио так и не прикоснулся к кофе: мой брат решил испытать на мне, как на лакмусовой бумажке, подсыпал неизвестный враг в напиток яд или нет. Хм, Антонио остался тем, кем всегда был: эгоистичным и черствым человеком. Однако я не могу изменить того обстоятельства, что он является моим единокровным братом.

– Тебе следует немедленно обратиться в полицию, – предложил я.

Антонио фыркнул.

– Полиция! Как ты представляешь себе это: я звоню в комиссариат и заявляю, что меня хотели отправить на тот свет? Представляешь, что за скандал вызовет подобное заявление? Особенно сейчас, в период междувластия, за несколько дней до выборов нового папы!

– Антонио, – продолжал настаивать я, – иного выхода, боюсь, у тебя нет. Если тебя пытались отравить и один из твоих секретарей стал жертвой преступления...

– И что с того! – отмахнулся Антонио. – Конечно, жаль беднягу, к тому же я лишился толкового работника. Но свидетелем его смерти был только я, поэтому мне поверили, когда я сказал, что мой секретарь жаловался в течение нескольких дней на боли в груди. Один из ватиканских врачей выписал свидетельство о смерти.

Я был потрясен.

– Антонио, ты ведь кардинал Римско-католической церкви, тебе не к лицу лгать! Полиция...

– Что сделает полиция? – прервал меня Антонио. – Не забывай, что Ватикан – суверенное государство и итальянская полиция не имеет права шнырять здесь без разрешения папы. А папа мертв! Сейчас имеются куда более важные дела, чем смерть моего секретаря. Потому-то я и просил тебя прибыть из Коста-Бьянки в Ватикан.

Я пожал плечами в некоторой растерянности. Ну что ж, по всей видимости, мне придется приняться за расследование. Никогда не мог даже помыслить, что займусь подобным в стенах Ватикана!

– И вот еще что, – после короткой паузы добавил Антонио. – Если бы все ограничивалось только попыткой убить меня, я бы не стал так тревожиться...

Слова Антонио не произвели на меня должного впечатления. Я отлично знал, как он пекся о собственном здоровье и благополучии.

– Ходят странные слухи... – сказал мой брат. – А здешнее правило номер три гласит: всегда доверяй ватиканским слухам, потому что они окажутся правдой. Смерть святого отца была уж слишком неожиданной! Вернее, если бы он не пришел незадолго до кончины в сознание, в ней не было бы ничего подозрительного. Но папа открыл глаза, Фелиппе, и разговаривал с кардиналами. Я лично был во время коллективной аудиенции у него и убедился: он был в неплохом состоянии. А следующей же ночью последовала смерть!

– Согласно официальному бюллетеню, его святейшество скончался от остановки сердца, – произнес я.

– Так, по всей видимости, и было, – подтвердил Антонио, – но что вызвало остановку сердца? Мертвого Адриана в первые часы после кончины видели всего несколько человек: статс-секретарь, камерленго, великий пенитенциарий, декан кардинальской коллегии и лейб-медик. Тело папы очень быстро забальзамировали и выставили на всеобщее обозрение в соборе Святого Петра.

– И что же гласят слухи, которые ты называешь странными? – спросил я осторожно, подумав: одно дело – заниматься попыткой покушения на одного из сотни кардиналов и смертью его секретаря, а совсем другое – убийством римского папы!

Антонио прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

– Вроде бы врач и бальзаматоры обнаружили на теле папы Адриана след от инъекции, хотя никаких уколов святому отцу не назначалось. Да и остановка сердца, опять же, если верить слухам, вызвана не естественными причинами, а злым умыслом! Вернее, убойной дозой какого-то медикамента!

Я с испугом перекрестился и взглянул на Антонио. Лицо моего брата выражало решимость и даже жестокость.

– Антонио, я еще раз взываю к твоему рассудку! Только полиция может разобраться в подобном! Если папу... убили, – последнее слово я произнес с большим трудом, – то мы не имеем права скрывать происшедшее от общественности!

– Никто ни о чем не узнает! – резко сказал Антонио. – Слухи, конечно, пресечь нельзя, но ничто не должно помешать погребению Адриана и созыву конклава. Даже если предположить, что святой отец был убит, то это ничего не изменит. Тебе ведь прекрасно известно, что он почти девять месяцев находился в коме. Кое-кто в Ватикане уже задумывался над тем, чтобы отключить приборы, обеспечивающие жизненные функции. Ведь в течение последних месяцев важные решения не принимались, реформы откладывались, все замерло!

– Но папа пришел в себя, так что все могло измениться к лучшему! – возразил я. – Какой смысл кому-то, уставшему ждать, лишать святого отца жизни?

Антонио поколебался, но в конце концов продолжил:

– Я поведаю тебе и другую сплетню, которая гуляет по Ватикану с того момента, как Адриан впал в кому. Было объявлено об инфаркте и остановке сердца, однако на самом деле, Фелиппе, Адриана обнаружили в луже крови и с разбитым черепом! Кто-то пытался убить его уже тогда, но потерпел поражение: папа, вместо того чтобы умереть, впал в кому. А когда он из нее вышел, тот же самый некто сделал ему (или приказал сделать) смертельную инъекцию – и понтифик отдал Богу душу.

Мой брат-кардинал говорил столь кошмарные вещи таким спокойным тоном, что у меня перехватило дыхание. На мгновение мне сделалось очень страшно.

– Антонио, я не могу поверить, что кто-то поднял руку на его святейшество! – вскричал я. – Столь гнусное преступление необходимо предать огласке и...

– Ты сошел с ума! – перебил меня Антонио. – Я же сказал: это все слухи! Ватикан никогда официально не подтвердит подобную версию, если она появится в печати. Даже если принять за аксиому, что папу убили, то, прости Господи, это не единичный случай за длинную историю нашей церкви. Многие из средневековых пап умерли не своей смертью, к примеру Стефан VI, задушенный в тюрьме, ставший жертвой собственного коварства Александр VI Борджиа и сменивший его Пий III, правивший всего три недели и вроде бы отравленный огорченными кардиналами ввиду профнепригодности. Да и в двадцатом веке тоже, по мнению некоторых, не одному папе помогли покинуть бранный мир при помощи козней: Пий XI скончался за день до своего торжественного выступления по поводу десятой годовщины Латеранских соглашений, принесших Ватикану статус отдельного государства, а ведь папа, обеспокоенный кризисной ситуацией в Европе (стоял февраль 1939 года), хотел предать анафеме фашизм и нацизм и опубликовать энциклику, призывая католиков к активному противлению Гитлеру и Муссолини. Потому-то его и отравил личный врач, который являлся отцом любовницы дуче.

Эта версия кончины Пия Одиннадцатого была мне знакома, хотя многие историки уверяли, что папа умер от банального, хотя и тяжелого, сердечного приступа и никакого осуждения европейских диктаторов не планировал. Но кто точно знает, что случилось тогда в Ватикане?

– А Иоанн Павел Первый, занимавший престол святого Петра только тридцать три дня? – продолжил Антонио. – Ему было шестьдесят пять лет, и ничто не предвещало его скорой кончины. Папа намеревался провести в курии значительные реформы, которые кое-кому очень не нравились.

– Именно поэтому, чтобы Ватикану не предъявлялись обвинения в том, что он покрывает убийц и не желает предавать огласке правду, на сей раз все должно произойти совершенно иным образом! – сказал я.

Антонио стукнул по столу кулаком:

– Сейчас уже слишком поздно! Ватикан не может признаться в том, что намеренно распространил фальшивое коммюнике по случаю смерти папы и делал вид, что ничего особенного не произошло.

– Ради сохранения лица вы готовы замолчать убийство понтифика? – изумился я.

– Папа, несмотря на догмат о его непогрешимости, всего лишь простой смертный, и из-за него мы не можем ставить под удар всю церковь, – назидательно ответил Антонио. – Она сейчас и так находится в перманентном кризисе, и весть об убийстве папы только дестабилизирует обстановку.

– Но если вы не намерены предпринимать никаких официальных шагов, то для чего ты просишь моей помощи? – подивился я.

Антонио прикоснулся тонкими белыми пальцами к вискам, закрыл глаза и произнес:

– Выборы понтифика, Фелиппе, ни в чем не уступают президентской гонке. Только в Ватикане не принято выдвигать кандидатуры и проводить предвыборную кампанию. Все делается тайно, хоть и не менее эффективно. Не буду скрывать, брат, я хочу... – Антонио замолчал и, подумав, переформулировал фразу: – Я считаю, что обладаю всеми достоинствами, необходимыми для нового понтифика.

А также всеми недостатками, подумалось мне.

Антонио решил раскрыть карты.

– Во время консисторий, собраний кардинальской коллегии, имеющих место каждый день до начала конклава, ведутся туманные разговоры, которые в кулуарах, во время ужина или прогулки по ватиканским садам принимают конкретную форму. Взвешиваются шансы того или иного кандидата, обсуждаются личности кардиналов. Гадают, кто же сможет сделаться не только хорошим папой, но и чья персона устроит две трети коллегии, ведь для избрания понтифика во время тайного голосования требуется получить две трети плюс один голос!

Антонио опустил взгляд. Я понял: он бы очень хотел, чтобы именно его избрали следующим папой. Антонио, безусловно, далеко не самый благочестивый человек, но и не хуже многих других. В конце концов, как говаривал когда-то кардинал Беллармин, принудивший Галилео Галилея к отказу от гелиоцентрической теории (и впоследствии причисленный к лику святых), «если бы во главе Церкви стояли только достойные пастыри, то ее долговечность объяснялась бы их мудростью, и это было бы естественно; но так как ею руководили и порочные первосвященники, то успехи католицизма иначе как сверхъестественными причинами, то есть Божьей благодатью, объяснить нельзя».

– И ты должен помочь мне в этом! – продолжил Антонио.

– Но как? – спросил я. – Я ничего не смыслю в ватиканских делах, да и кто я такой – всего лишь провинциальный священник. Меня никто не будет слушать...

Антонио снисходительно усмехнулся (вид у него был, надо сказать, как у заправского папы) и пояснил:

– О, вербовку сторонников на конклаве я возьму на себя, Фелиппе. Я знаю, что пришло время кардиналов из Южной Америки, но у меня имеется несколько конкурентов. Считается, что на конклаве избирают, руководствуясь Святым Духом, однако, скажу честно, все понимают, что это красивая легенда. Если я обращусь в полицию и стану тем, кто предаст огласке историю об убийстве папы Адриана или хотя бы выразит обоснованные сомнения в официальной версии его кончины, то сделаюсь парией. Никто и никогда не изберет меня его преемником, Фелиппе!

– И ради папского трона ты готов замолчать правду, брат? – медленно спросил я.

Антонио, не колеблясь ни секунды, ответил:

– Естественно, Фелиппе! Чем правда отличается от лжи? Это ведь именно мы, люди, навешиваем ярлыки, а истина – она одна. В Ватикане прибавится еще одна тайна, и что с того? В отличие от других кардиналов, у меня имеется тайное оружие – ты. Я не сомневаюсь, что в стенах Ватикана завелся страшный человек, который не остановится ни перед чем, в том числе и перед убийствами. Цель его представляется мне понятной: он хочет или сам стать папой, или возвести на престол своего кандидата. И ты воспрепятствуешь этому, Фелиппе!

– Я? – вырвалось у меня. – Но Антонио, ты переоцениваешь мои силы...

– Только не говори в который раз, что ты обыкновенный сельский священник из далекой страны, – усмехнулся Антонио. – Никто в суматохе, связанной с погребением Адриана и подготовкой к конклаву, не обратит на тебя внимания. Я подпишу пропуск, предъявив который ты сможешь беспрепятственно передвигаться по Ватикану. Твоей задачей, Фелиппе, является не только узнать, что же на самом деле произошло в ночь на четвертое августа в Кастель Гандольфо, но и выяснить, почему и, главное, кем это было совершено. Мы должны помешать ему!

Ну да, подумал я, помешать ему, чтобы открыть дорогу к престолу самому Антонио. Увы, мой брат желал узнать имя убийцы вовсе не для того, чтобы передать его в руки правосудию или помешать преступнику занять папский престол, а с одной-единственной целью: устранить конкурента и, презентовав убийцу кардинальской коллегии, сделать себя единственно возможным кандидатом.

– Поэтому, дорогой брат, ты немедленно займешься расследованием! – постановил Антонио. Он уже не просил меня, не взывал к совести или к рассудку, а принял решение.

– Ну что ж, Антонио, – произнес я смиренно, – я не могу противиться воле кардинала и возьмусь за расследование. Но ты должен сделать так, чтобы я имел возможность побеседовать с кардиналами и прочими подозреваемыми.

– Они и так все в Риме, – быстро ответил Антонио. – И никто не посмеет отказать тебе в разговоре, ведь тогда он даст повод подозревать себя в причастности к неслыханным преступлениям.

– У меня будет только одна просьба, Антонио, – сказал я. – Обещай мне, что все, что я сумею узнать, станет достоянием гласности. Ты не должен замалчивать правду!

– Конечно, конечно, Фелиппе! – чересчур быстро согласился Антонио. – Когда я... Вернее, я хотел сказать, если я стану папой, то изменю стиль общения Ватикана со средствами массовой информации. Принимайся побыстрее за расследование!

Он подошел к столу и подал мне бланк из рельефной бумаги со своим кардинальским гербом и с витиеватой подписью. Это был пропуск на территорию Ватикана и требование ко всем служащим отвечать на мои вопросы.

Антонио на прощание обнял меня и сказал:

– Я договорился, что ты будешь обитать неподалеку отсюда, на Виа ди Мосеррато, там располагается Латиноамериканский колледж, где живут и обучаются священники с нашего континента.

Он проводил меня до дверей. Обернувшись, я заметил хитрый взгляд секретаря Антонио. Наверняка он, несмотря на старания моего брата, подслушал наш разговор. И я сам сформулировал очередное ватиканское правило: здесь даже у стен имеются уши.

Покинув здание, в котором располагалась папская комиссия по Латинской Америке, я попал на площадь Святого Петра, заполненную паломниками со всего мира. К счастью, такого небывалого, воистину вавилонского столпотворения, как после кончины Иоанна Павла II, сейчас тут не наблюдалось: папу Адриана паства любила и уважала, в особенности в его родной Голландии и в Риме (впрочем, римляне любят и уважают любого папу), но за пределами Европы он был плохо известен. За годы своего понтификата он совершил всего несколько поездок, а в Южной Америке так и не побывал.

Я ничем не выделялся из пестрой толпы, в которой то и дело мелькали черные сутаны католических священников, именуемых римской детворой «bagarozzi», то есть навозными жуками.

Итак, я получил новое задание – расследовать обстоятельства смерти папы Адриана и установить, кто же скрывается за попыткой убийства кардинала Антонио делла Кьянца. Вероятнее всего, действовал один и тот же человек, а если же это были разные личности, то цель у них была едина. Мне не хотелось думать, что в Ватикане промышляет сразу несколько не связанных друг с другом убийц: все же речь идет о резиденции папы римского, сосредоточении святой власти, а не о квартале, где обитает всякий сброд! Хотя кто знает...

В Риме я бывал достаточно часто и без труда ориентировался в «вечном городе». До Виа ди Мосеррато я добрался пешком. Латиноамериканский колледж помещался в трехэтажном каменном здании, огороженном высоким чугунным забором, за которым глазам открывался тенистый сад. Я нажал кнопку звонка, и через минуту из дверей колледжа показалась сгорбленная фигура старика, облаченного в черное.

Старик, выполнявший функции привратника, провел меня по большой дубовой лестнице, ступени которой неистово скрипели, на второй этаж. Выкрашенные серой краской стены были увешаны картинами на святые темы, фотографиями покойных пап и распятиями.

Мы подошли к массивной резной двери, раскрыв которую привратник и я оказались в кабинете ректора колледжа. Это был невысокий полноватый священник с совершенно лысой головой и с пронизательными серыми глазами навывате. Его звали отец Диего Кортес, он был родом из Аргентины и занимал должность ректора в течение последних двенадцати лет.

Отпустив мановением руки привратника, отец Диего заключил меня в объятия и, указав на большой портрет моего брата Антонио, висевшей на стене, заметил:

– Для нашего колледжа, брат, большая честь принимать вас в своих стенах!

Вот и еще одна ватиканская истина: слухи разносятся здесь со скоростью лесного пожара. Путешествие от площади Святого Петра до колледжа заняло у меня не больше получаса, а ректор уже в курсе происходящего. И я уверен, что Антонио не говорил с ним на эту тему.

– Благодарю вас за то, что предоставили мне крышу над головой, – сказал я.

Отец Диего понимающе улыбнулся и произнес:

– Не мог же я отказать вашему достопочтенному брату, кардиналу делла Кьянца!

В его сладких речах я уловил тонкую насмешку. Хм, а отец Диего совсем не так прост, каким пытается прикинуться! Хотя иначе и быть не может – в противном случае его вряд ли бы сделали главой колледжа.

– Мы приготовили для вас одну из гостевых комнат, – сказал ректор. – О вашем багаже можете не беспокоиться – его уже к нам доставили.

Путешествовал я налегке: небольшой чемодан, вместительный рюкзак и портфель с переносным компьютером, без которого я был, как без рук, – вот и все мои вещи.

– Понимаю, что вы наверняка устали после долгого перелета. И после не менее долгого разговора с его высокопреосвященством, вашим братом! – Помолчав, отец Диего дипломатично заметил: – Ваше имя, брат, хорошо известно в ватиканских кругах. Некоторые из проведенных вами расследований стали легендарными, ведь вы предотвратили несколько крупных скандалов, которые могли бы вылиться в многомиллионные иски...

Я понял, что действовать инкогнито не получится. Ну что ж... Считается, если враг предупрежден, то он вооружен. Я так не думаю. Тот, кто замешан в преступлениях, должен чувствовать себя не в своей тарелке, узнав, что я прибыл по его душу. Страх спровоцирует ошибки, которые помогут мне выйти на убийцу.

– А правда, что папа Адриан умер не своей смертью? – понизив голос, спросил отец Диего. – Брат, не томите меня! Об этом только и говорят!

– Что же об этом говорят? – спросил я.

Ректор в замешательстве развел руками:

– Вроде бы статс-секретарь под страхом отлучения от церкви запретил разглашать все то, что имело место в первые часы после смерти святого отца. Давайте я покажу вам комнату!

Он провел меня по длинному темному коридору, мы поднялись по крутой лестнице на третий этаж, снова прошли по коридору и оказались перед деревянной дверью. Комната больше напоминала монастырскую келью – узкая кровать, табурет, старинный платяной шкаф и небольшой письменный стол. Я заметил большой черный телефонный аппарат, на стене – обязательное распятие, на подоконнике – Библию. К комнате прилегал крошечное помещение, в котором имелись умывальник, душевая кабинка, более похожая на вертикально размещенный гроб, и унитаз.

– Привратник занесет вам ключ от колледжа и вашей комнаты, – сказал отец Диего. – Ведь вы, предположу, будете находиться большую часть времени вне пределов этих стен?

– Брат, а кто сказал вам, что папа Адриан умер не своей смертью? – спросил я.

Ректор, не смотря мне в глаза (привычка истинного иезуита!), быстро ответил:

– Об этом многие судачат. Я уже и не припомню точно, кто именно мне рассказал.

Он подошел к двери и вдруг обернулся. Пристально посмотрев на меня, он со странной улыбкой произнес:

– Брат, несомненно, вы взвалили себе на плечи благородную миссию. Но подумайте – по силам ли она вам? Правда, в особенности в слишком больших количествах, может, как и сильнодействующее лекарство, привести к страшным последствиям.

– Что вы хотите сказать? – произнес я.

Ректор стушевался:

– О, только напутствие, не более того! На вашем месте я бы не стал вмешиваться в ход событий. Если произошло то, что произошло...

– А что произошло? – перебил я, но отец Диего сделал вид, что не расслышал вопроса.

– На то имеется воля Господа! – завершил он свою мысль. – И не нам, брат, противиться желаниям Всевышнего. Так что хорошенько подумайте – следует ли ставить под удар себя и свою репутацию. Мы ужинаем в шесть вечера!

Ректор удалился, а я, опустившись на кровать и уставившись в окно, выходящее в сад, думал, получил ли я только что завуалированную угрозу. Отец Диего – мелкий винтик, инфузория-туфелька в ватиканской иерархии, и сам бы он никогда не решился запугивать меня. Если он делает это, то наверняка по наущению кого-то свыше. А значит, кто-то меня в Ватикане боится. Эта мысль порадовала: враг знает, что со мной шутки плохи. И он опасается того, что я докопаюсь до истины. А ведь именно это я и намерен сделать!

В ящике письменного стола я обнаружил полезную книгу – *Annuario Pontifico: Citta del Vaticano*. Переплетенная в красный шелк, она насчитывала почти две тысячи страниц. Это был своего рода справочник-альманах, выпускаемый Ватиканом. В нем указывались все конгрегации, комиссии, секретариаты, колледжи и прочие организации, подразделения и бюро, подчиняющиеся Святому престолу. Имелись и списки кардиналов, архиепископов, епископов и простых священников, занятых на службе Ватикана, с указанием телефонных номеров и даже интернет-сайтов. Полистав эту однотомную энциклопедию, я подумал, что тот или те, кто стоит за покушением на Антонио и убийством папы Адриана (если согласиться с тем, что понтифик был убит), наверняка указаны в альманахе.

Возник привратник с моим багажом: я оставил его в приемной Антонио. Поблагодарив старика, я как бы между прочим спросил:

– Брат, правда ли говорят, что папу Адриана отравили?

Старче моментально закрыл дверь и приложил к синюшным губам указательный палец.

– Не так громко! Да, я тоже слышал эту новость, в колледже только о ней и говорят. Подумать только, если это окажется правдой!

– А кто принес сюда столь кошмарную весть? – поинтересовался я с невинным видом.

Старик почесал затылок и неуверенно ответил:

– Я услышал ее во время трапезы. Вообще-то разговоры в столовой не приветствуются, но ректора не было, и никто особенно не следил за порядком.

Отпустив старика, я принялся распаковывать чемодан. И сразу же заметил, что кто-то в нем успел покопаться. Мои личные вещи находились не на тех местах, куда я укладывал их, подготавливаясь в Эльпараисо к поездке. Кто-то обследовал мой багаж, когда он находился в приемной у Антонио. Я сразу подумал о постнолицем секретаре моего брата. Надо будет заняться этим типом.

Я достал из портфеля ноутбук и поставил его заряжаться. К моему удивлению, лампочка, после того как я включил портативный компьютер в сеть, не загорелась. Я тщетно нажимал на кнопку пуска – ноутбук не работал! Так-так, некто позаботился и том, чтобы я остался без компьютера и тех данных, что содержались в нем. Какие еще сюрпризы подготовил мне этот неизвестный?

В дорожной аптечке, которую я всегда вожу с собой, обнаружился пузырек с таблетками от головной боли, которых я не покупал. Я осторожно открутил пластмассовую крышку и высыпал на стол продолговатые белые таблетки. Я мог поклясться, что не приобретал ничего подобного, при головной боли я пользуюсь таблетками шипучего аспирина или травяными настояками. Да и этикетка на пузырьке была на итальянском и свидетельствовала, что средство куплено в аптеке, расположенной на территории Ватикана. Обычные итальянцы там покупок не делают, а только те, кто работает в аппарате Святого престола. Или сами священники.

Я понюхал таблетки и даже лизнул одну из них. Секретарь Антонио был отравлен, вспомнилось мне. Наитщательнейше прополоскав рот, я запихнул таблетки в пузырек и поставил его на письменный стол. Или я становлюсь чересчур подозрительным и на каждом шагу вижу убийц?

Более всего мне было жаль ноутбук, купленный всего полгода назад. С не подобающей христианину яростью я проклял того, кто вывел его из строя, и принялся выкладывать вещи из чемодана и рюкзака. С прискорбием обнаружил, что исчезли и две большие тетради с моими записями. Ничего крамольного они не содержали – всего лишь наброски проповедей и писем, но я никак не мог смириться с тем, что кто-то нахальным образом изучил мой багаж и изъясал то, что ему не принадлежало.

Завершив разбор вещей, я отправился в душ, а затем прилег и быстро заснул – смена временных поясов давала о себе знать. Разбудил меня резкий телефонный звонок. Я несколько секунд лежал с открытыми глазами, не понимая, что происходит, затем спросонья метнулся к аппарату, ударившись при этом, и весьма преобольно, локтем о металлическую спинку кровати.

– Отец Фелиппе Ортега слушает! – произнес я, растирая зудящий локоть.

– Фелиппе, ты мне срочно нужен! – услышал я голос моего брата Антонио. – Только что обнаружено тело личного секретаря папы Адриана. Вроде бы несчастный случай.

Чтобы не заставлять Антонио долго ждать, я быстро оделся, спустился на первый этаж и тут же почувствовал любопытные и мимолетные взгляды священников, встречавшихся по пути. Не сомневаюсь, они уже знают о моей миссии!

Около ворот колледжа меня ожидал огромный черный лимузин с тонированными стеклами и ватиканскими номерами. Дверца быстро приоткрылась, и я заметил Антонио. Он буквально втянул меня в салон автомобиля, бросил водителю: «Avanti!»² и, нажав кнопку, привел в движение перегородку, защитившую нас если не от любопытных ушей шофера (вряд ли он понимал по-испански), так от его красноречивых взглядов.

– Твое авто? – спросил я, поудобнее устраиваясь на кожаном сиденье.

Антонио, поведя плечами, кивнул:

– Я же глава папской комиссии, Фелиппе! Но нет времени говорить о таких пустяках!

Что ж, для моего брата деньги всегда были не более чем разноцветными бумажками, которых водилось у него в изобилии, а шикарные лимузины с тонированными стеклами и личным шофером – пустяками.

– Его нашла экономка, – пояснял Антонио, пока автомобиль катил по улицам и закоулкам римской столицы. – Вода стала заливать квартиру, расположенную этажом ниже. На стук и звонки никто не отвечал, хотя экономка знала, что преподобный Ян Мансхольт, личный секретарь покойного папы Адриана, у себя. Он вернулся вчера из заграничной поездки. Преподобный Мансхольт был чрезвычайно опечален болезнью своего патрона и принял его смерть очень близко к сердцу. После того как консьерж и садовник выломали дверь, то обнаружили личного секретаря папы в ванной. Мертвого.

– Так почему же ты думаешь, что это не несчастный случай или, к примеру, инфаркт, вызванный переживаниями, а убийство? – спросил я.

Антонио, любивший напустить таинственности в те моменты, когда это вовсе не требовалось, загадочно усмехнулся:

– Сейчас все сам увидишь!

Мы прибыли к пяти– или шестизэтажному старинному дому, подъезд которого был украшен лепниной. У входа нас ждало несколько человек, в том числе один в облачении священника. Это был розовощекий, краснолицый крепыш с коротким бобриком седых волос и добрыми ярко-синими глазами лет шестидесяти на вид. Он по телосложению больше походил на какого-нибудь горластого менеджера или спортивного тренера, чем на прелата. Но, как я убедился на собственном опыте, всемирнолюбивый Господь распахивает двери своего Града перед любым.

² Вперед! (ит.)

Завидев нас, «падре-боксер» устремился к Антонио. Приложившись двоекратно к щеке моего брата и пожав ему руку, священник воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.